

САЖА

повесть

Борис
КОЛЕСОВ

г. Москва

Близился конец пребывания майора на лечебных водах, неспешной чередой шли долгие сутки одиночества. Июльская неделя солнечных дней истаяла, растворилась в празднично теплом воздухе Центральной Европы, на смену пришла погода хмурая, сырая. В окна теперь били порывы прохладного свистящего ветра с крупными дождевыми каплями, прилетающего с близких каменистых вершин. Длинные ветки каштанов мотались пообочь городских строений на манер податливых болотных камышей с их мягкими, похожими на паклю метелками. Иногда вихри, прибывающие с гор, оказывались настолько упористыми, что стекла в комнате офицера подрагивали, заставляя раскачиваться приоткрытую форточку.

В поспешности подсказывать к ней, чтобы дать укорот вольному вихлянию, он все-таки не торопился. После войны всяческие непогоды были ему не в новинку. Пусть себе толкутся беспокойные воздушные волны в тесном ущелье — там, где располагается чешский курорт с его несомненно полезными минерализованными водами. Поднимаются они из кипящих подземелий и усердно плещутся, пускают целебные для воинов, порушивших германский фашизм, радужные пузыри в фарфоровых бюветах.

Шагая из угла в угол комнаты, Ладейнин раз за разом тёр виски. «Вихри вот навалились на город. Что ж, комнате проветриться всегда полезно. Голове с печальными думами — тоже», — привычно рассуждал он. Остановившись наконец, присел возле тумбочки. Книгу, прихваченную из части, он еще вчера дочитал, поэтому спрятал рассказы Владимира Галактионовича Короленко в черный фибровый чемоданчик. И теперь майору была полная свобода размышлять: почти не покидали его думы о пропавшей несколько лет назад семье — пусть небольшой, однако до боли дорогой.

Что бы еще здесь, в тихой палате, почитать, когда толика времени остается до положенной обратной дороги? Ладейнин твердо решил для себя: нужно приобрести новую, достаточно неглупую книжку, причем такую, чтоб не нагружали самозабвенные писательские рассказы о неотступных гореваниях. Хватает, знаете ли, у некоторых европейских авторов трогательных откровений об их особых душевных глубинах.

Последние дни в лечебнице, по правде говоря, оказались для Валерия Ладейнина довольно спокойными. Чешская девушка, служившая тут, почувствовала в нём родственную душу и явно начала отдавать предпочтение молодому пациенту. Ладейнин не давал юной Мартине, прекрасно говорящей на русском, никаких поводов для выражения особых сердечных симпатий. Потому для него как раз нормально получилось, когда тетушка, Маржена Плицкова, увезла племянницу куда-то в горы.

Все-таки от личных романтических историй Ладейнину лучше бы держаться подальше, и даже повествователи Европы со своими знаменитыми сочинениями пусть будут в отдалении от усердного читателя Валерия. Ему полезно держать майорское самочувствие в порядке, пока ожидает новых желанных известий — хоть из Москвы, хоть из тех краев, где родина Вали, жены Ладейнина.

Европа Европой, а он обычный артиллерист, хотя здешнюю сердечную гуманность оценить способен: наслышан про несчастных Изольду и Тристана, про страдания молодого Вертера. Только не стоит поддаваться грусти! Нужна ли майору эта удручающая добавка, к тому же многозначительно прискорбная? Никоим образом. Мысленный приказ офицер себе отдал: «Не нужны сейчас ни возвышенная романтичность, ни слишком чувствительная сентиментальность». А что насчет бравого чешского солдата Швейка? Тот вдруг всплыл в памяти майора как некое обязательное приложение к нынешней сложной действительности. Ну, раз понятны Ладейнину его честные похождения, то и решил пойти в сторону городских книжных развалов. А там нелишне будет поискать местечко с богатой выкладкой всяческих раритетов. Прицениваясь, постоишь там в раздум-

чивости над книгами, заодно давая отдохнуть беспокойному клубку горячо вспыхивающих мыслей о прошлом, — глядишь, и удастся потом на досуге заполучить от чтения верную толику здоровой бодрости. В конце концов, оставшиеся дни в лечебнице могут подарить читателю Ладейнину молодцеватую байку про Вакулу, оседлавшего черта. Разве не так? Гоголевские «Вечера на хуторе близ Диканьки» с большой долей вероятности в известном санаторном поселении могут присутствовать с довоенных времен. Тогда неунывающий Николай Васильевич Гоголь скрасит майору одинокие вечера в чешском Среднегорье.

Вот уже под ногами его интересный — если не каждому посетителю минеральных вод, то уж в точности не одному лишь книгочею, — маршрут: вниз по набережной, потом — вверх по склону холма, по тропе, на днях обнаруженной Ладейниным и ведущей к торговой улочке. Уж там скорее всего хватает для болезных гостей санатория всякого добра!

Дошел, куда требовалось, и вдоволь порылся в потрепанном товаре, однако ничего для себя подходящего майор не обнаружил. Вознамерился идти в центральную часть городка, ведь в том районе — местные участливо подсказали — имелись лавки с ассортиментом письменных артефактов более широким. Продавцы, понимающие толк в книгах, намекнули: уж где-где, но там хватало печатных раритетов, занесенных на курорт пороховыми ветрами недавней войны. Трудно будет промахнуться пану офицеру.

Шагая вниз к реке по торговому переулку, выложенному бульниками¹ аспидно-черного цвета, он мысленно отмечал: «Тут никто гранит не выламывал, чтоб опускать его на головы фашистских оккупантов. Нет, не выламывал. Порядок, чистота, ухоженность мостовой — всё еще с довоенных годов, с того начала двадцатого века, когда бытовала подчеркнутая уважительность к посетителям курорта». И казалось ему, будто отполированные камни своим блеском с радостью провожают гостя в место, более всего ему подходящее.

¹ Бульник - камень, булыжник.

Ощувив сильный порыв сыроватого ветра, Валерий покачал головой, усмехнулся: «А ничуть я не против набрать скорость и широту шага! Прислушаться к местным жителям не помешает! Если на окраине, в конкурирующих заведениях, гарантируют мне скорую удачу, то какие вопросы? Можно ведь и духом укрепиться обстоятельствам назло! И весело, в охотку пробежаться под гору! Однако же... вдруг внезапный ливень? Тогда посередине отполированной мостовой заскользить, приложиться затылком к сияющим булыжникам — пара пустяков. Выходит, предпочтительней выбрать маршрут поновой. Есть ведь в боковом проходе более удобный проулок. Он вымощен старыми, позеленевшими от времени, базальтовыми плитками. Там пешеходу сподручней», — подумав так, майор и вышел к тому самому проулку.

Когда Ладейнин добрался до лавки, там встретилась ему парочка, которая скорее всего прибыла в городок не для искоренения своих болезней — просто поразвлечься на досуге. У тех путешественников не наблюдалось пристальной заинтересованности в перелистывании старинного фолианта. Они разглядывали картинки и поочередно позволяли себе пофыркивать, посмеиваясь над какими-то неудачами художников. Ладейнина такие смешливые гости ничуть не удивили. Вспомнилось только ему: два дня назад, когда он с Мартиной гулял по городу — она показывала местные архитектурные примечательности, — ни разу он и не улыбнулся; впрочем, ведь ни разу не засмеялась и она. Почему Ладейнину припомнились прошедшие дни? Кто их знает! Не было в душе у него никакого веселия, вот и всё.

Когда ветер внезапно хлопнул открытой фрамугой торгового помещения, обещая нехилый ливень, хозяин бросился понадежней укупориваться. А парочка посетителей заторопилась убраться восвояси. Домекнул Валерий Гаврилович Ладейнин: «Какую-нибудь книгу, пожалуй, успею приобрести. Но ведь нет у меня приличной папки либо портфеля, чтобы покупка не обернулась под могучими струями мокрым комком бумаги. Лучше побыстрее ушагать к себе в лечебницу. Потом снова сюда вернуться».

Теперь, после обеда, сидит он в палате возле прикроватной тумбочки. Двигает туда-сюда пустым верхним ящиком. Там нет новой книжки, как нет за окном могучего рева непогоды. Куда-то упорхнул сизый облачный вал с каменистых близких вершин, с их высокого поднебесья. Струйка воздуха, вкусно пахнущая ароматно-молодильными горными елями, сочилась в неширокую щель форточки. На окне гардины с длинной витиеватой бахромой понизу были тонки, полупрозрачны. Полуденное солнце огненно-золотистым пятном вырисовывалось на изящно вытканной материи где синеватой нежной окраски, где сочно зеленой.

Ладейнин опустил голову на подушку. Лег на спину, упершись затылком в никелированную решетку своей поднадоевшей медицинской кровати. Идти на процедуры? Там уже бывал сразу после завтрака.

Быстро подлетающий фронт мрачных туч разошелся над центром курорта. Многие тут, знать, имели понятие о выкрутасах ветров. А у Валерия что ж, нервы подкачали посреди переполоха или что другое? Что бы ему дальше предпринять? Лежит вот, однако в точности не оттого, что проявилась какая немощность в мускулах ног.

Ладейнин думал о парочке, выскочившей из магазина с хохотом, с визгом. Новая встреча с бойкими путешественниками уж никак его не обрадовала бы: сердце Валерия пребывало в такой неуспокоенности, что до боли, до невозможности было примечать на беспечных лицах людей печать радости — ту самую, которая обычно свидетельствует о стремительном приближении достоверно большого личного счастья. Когда впереди — молодое здоровье, нормальная жизнь в мирной стране, когда обещается человеку и хорошая работа, и полная семья, где будет столько детей, сколько пожелаешь вырастить.

Война закончилась, размышлял майор, и всё ж таки знак надежного благополучия обнаружишь не у каждого. Ему самому, определенно, не достался он и, кажется, пришло время забыть... о чем? Допустим, о сургуче, на котором так превосходно смотрятся всяческие печати, когда получаешь долгожданное послание по

почте. Нипочем не выказать боевому артиллеристу радость излечившегося от ран тела, если не случится вдруг счастливого здравия семьи, вернувшейся из небытия. «Тем не менее, — сказал он сам себе, — нечего здесь лежать, киснуть. Еще утром было решено не давать воли грустным соображениям».

Он спустил ноги с кровати, дотянулся до тумбочки. Побриться, может быть? Но утром майор уже привел себя в порядок по всем правилам пребывания в заведении, в котором на чешской земле выхаживали русских офицеров. И зачем потянуло шарить в тумбочке? С какой стати вытаскивать солидный «Золинген», полгода назад приобретенный в Берлине и отличавшийся очень тонким и острым лезвием? Видать, нервы... Что делать с ними? Или мысли пошли вразнобой, чертовски спутались? Всё ж таки повторно бриться не стоит.

С той стороны тела — с левой! — внезапно сильно кольнуло. Знакомая история. Можно было догадаться: скоро появятся темные круги под глазами, словно после очередного тяжелого ранения. Таковская ситуация заставит врачей удерживать пациента от скорого возвращения в часть. Нет, все хворобы нужно гнать подальше!

Майор поспешил к умывальнику, одеколоном растер лицо. Щеки, лоб, даже уши покраснелись. Нужды нет выглядеть хилком. Теперь Ладейнин ходил по комнате, стараясь дышать интенсивно, глубоко. Чувствовал удовлетворение, потому как организм стойко перенес неожиданный удар, и теперь ничто — ни с левой стороны, ни с правой — Валерия не беспокоило. Хорошо! Ровное дыхание восстановилось, но это не устроило приободрившегося ходока. Он достал из ящика тумбочки жесткую зубную щетку, порошок с мятным запахом. Почистил зубы — ничего, что сегодня во второй раз! — и сполоснул рот водой из крана, после чего уставился на себя в зеркале. Лицо уже потеряло приметную красноту, и под глазами, кажется, темноты особой не появилось, что не могло не обрадовать. «Если какая потребность, — усмехнулся Ладейнин, — даже побриться сможем повторно. Не зря имеем отличный «Золинген»!

Снова сбрызнув щеки одеколоновой све-

жестью, он вышел в холл первого этажа, где стулья аккуратно выстроились вдоль старой кирпичной, но на диво гладкой стены. И куда его понесло? Зачем? Неужели майор Ладейнин не выдержал в своей комнате колючего до боли одиночества? С перепадами самочувствия, настроения разбираться не хотелось. Он просто поспешил на улицу и, сцепив руки за спиной, давая ногам усиленную нагрузку, шагал вверх по склону холма. Можно было уйти и в центр вдоль речной системы набережных, но организм упрямо требовал расхода энергии, то бишь именно этого — продвигаться по неудобной тропе вверх — туда, где на возвышении располагалось соседнее медицинское заведение. Большого желания с ним познакомиться у Валерия не было, а имелась лишь необходимость развеяться, а также взять и потрафить мускулам пока что не дряхлого тела, желавшего быстрого кровотока для оздоровления.

Здание другой лечебницы оказалось просторной пусть не очень свежей, однако же из тех достаточно недавних, оно наводило на догадку о дотошно вычурных временах императора Франца-Иосифа, высмеянных чешским солдатом — лукавым Швейком.

«Эге, — подметил Ладейнин, — если просторная столовая находится на первом этаже, то это для того, чтобы довоенно-почтенным господам не утруждаться, поднимаясь куда повыше. А если над застекленным потолком столовой открывается небо, это что означает? Именно и только одно: вот тебе прелестно голубые небеса, господин с объемистым кошельком, они сегодня истинно твои. Да, несомненно, — решил майор, — они принадлежат неумеренно пузатым здешним курортникам, приехавшим с запасами крупных ассигнаций и решившим неуклонно избавляться от лишнего сальца, попивая минеральную воду. Впрочем, специалисты по личностям, хоть шибко толстым, хоть особо тонким, известны давно, — мысленно иронизируя, припомнил Ладейнин. — Антоша Чехонте вписал свое мнение в людскую вековечность крепко-накрепко. Надо будет поискать томик рассказов честного сатирического умельца в тутошнем поселении. Если в книжной лавке нашел бравого солдата Швейка, то и Гоголя, и Антошу Чехонте найду».

Однако, решил Валерий, поход в центр часок-другой подождет. Пока что можно продолжить знакомство с неординарной холмистой местностью. К тому же Мартина его сюда не водила.

Вход в столовую настезь открыт. Значит, можно постоять под высокой стеклянной крышей. Майор оценил момент — сейчас можно было не спеша пройти между ровными рядами просторно стоящих столиков, уже подготовленных к ужину. Войдя и оглядев столовую, Ладейнин хмыкнул: «У нас, в лечебнице для русских военных, потесней будет! То ли раненых побольше наблюдается, то ли помещений заметно меньше, — размышлял он. — Но скорее всего я нахожусь в исключительно гражданском заведении. Тут гостей из соседних стран пока что никакой не перебор! Тогда что же получается?.. Может, Мартина не случайно меня сюда не водила?..»

Определенно, Мартина знала о здешних городских особенностях. И потому умная девушка не намеревалась ставить Валерия в двусмысленное положение от встреч с иностранцами. Всё ж таки не исключалось и другое. Тетушка ее, как более опытная в непростой чешской действительности, позволила себе подсказать племяннице кое-что насчет нежелательных маршрутов прогулок. Было так или не было — кто ведает теперь?

Чуть настораживало майора другое... Подсказки, которые уловил Ладейнин, мужчина всё же опытный, явно указывали на то, что Мартина только и мечтает о том, чтобы улучшить момент и настоять вполне решительно на том, чтобы стать с русским майором родственной парой.

«Спору нет, — мысленно доложил сам себе майор, — незапланированные контакты с подданными других стран, с какими-нибудь австрийцами либо итальянцами, и в нашей воинской части не приветствовались бы. Так что пора мне уходить отсюда». Чувствуя некоторую неловкость от этого своего соображения, Ладейнин слишком резко развернулся, загремел оказавшимся на пути стулом и двинулся в ту сторону, где имелась двустворчатая стеклянная дверь на балюстраду.

Балюстрада, ведущая довольно далеко в со-

седний сад, была тщательно выложена если не мраморными, то гранитными плитками бордовой и аленькой расцветки. Затейливые бетонные столбики с железной арматурой служили здесь устойчивой к дождям оградой.

Непрощеный гость постоял перед спуском в грушевую аллею, отщипнул шишку ползучего хмеля, который ухитрился с низа холма добраться до крепкого столбика балюстрады. Растерев зелень пальцами, майор понюхал, учуяв терпкий запах явно выраженной незрелости, согласен кивнул: «Что здесь поделаешь? Вовсе не тот знаменитый напиток распространяет здесь аромат! Не время для очевидной спелости. А когда перед тобой полная кружка пльзенского пива!.. Эй! — одёрнул себя Ладейнин. — Неужкое-кто имеет могучее желание отхлебнуть пенного? Слушай, болезный человек, — мысленно усмехнулся, — вылечивайся давай! И отправляйся восвояси. Пивные свои мечтания оставь каким-нибудь вольнолюбивым, недавно испеченным служакам».

Потихоньку майор начал по аллее спускаться, а та широкими ступенями уходила вниз, холм всё дальше спадал к набережной.

Внезапно за грушевыми деревьями Ладейнин увидел громко спорящую парочку: не могли договориться о чем-то та самая Мартина Блажекова и Маржена Плицкова, ее пожилая тетка. Взяв племянницу за руку, старая женщина повела было ее прочь. Та не поддавалась, время от времени обиженно топала ногами, порываясь уйти в сторону офицерской лечебницы, где, кстати, полмесяца назад они с Валерием и познакомились.

Сейчас из их ругани Ладейнин понял следующее: Мартина Блажекова жила в деревенском поселении у тетки, а потом сбежала от нее, вернулась на минеральные воды, известные в Рудных горах. Тетушка среагировала мгновенно: кинулась по следам беглянки, настигла Мартину здесь, возле городской набережной, как раз по соседству с грушевым садом на холме. «Ясно, строгая Плицкова передвигается на быстром автомобиле, — в озадаченности хмурился Ладейнин. — Только так и не иначе. Не знаю, что не поделили они в своей дальней дали. Уж точно не меня. Может, подойти к ним, чтобы в женских треволнениях не возникло слишком

обидных, чересчур сильных разногласий?» Пока он стоял в нерешительности, теряясь от обилия догадок, боевитая Маржена утихомирила строптивую родственницу.

Теперь, не слушая резонных прекословий племянницы, неуступчивая Маржена, понизив голос, негромко выкладывала свои доводы. Всё говорила и говорила, время от времени вздергивая, словно к облакам обращалась, маленький упрямый старушечий носик. Напор тетки, как со стороны смотрелось, усиливался, тем не менее чересчур нелепого и оскорбительного в потоке слов девушка, видать, не находила. Во всяком случае она стала — когда не очень послушно, когда — с пониманием — кивать, раз за разом ниже опускающая плечи. Благодаримое неглупой Маржены, повывавшей за свои годы многое, превозмогало возражения племянницы. Но ведь те в явности не испарились, никуда не улетели, — доходило до Валерия сквозь три десятка метров, основательно загущенных деревьями. В чем он теперь не сомневался, так в том, что в споре неподалеку от набережной фигурировал именно русский офицер, и тот при всех минусах, присущих ему в соответствии с возрастом, общественным положением, болезнями, всё ж таки оказался для Мартины далеко не безразличным гостем курорта. О ком именно идет речь, майору гадать не пришлось, — о нем самом.

«Она симпатичная, эта молодая Блажекова, убежавшая от старой бдительной тетки, — Ладейнин отметил про себя. — Но мне какого черта тут в саду за грушами надо? Шагал бы подальше, любопытный пешеход!»

Что случилось потом? Почти сразу подъехал легковой автомобиль, по знаку Плицковой водитель притормозил, родственницы сели в машину. Сверкнув полированным лобовым стеклом, провизжав шинами на крутом повороте, он помчался в сторону горного хребта. В тех местах, как совершенно точно было известно Валерию, в распадке между скалистыми холмами располагалась деревушка. Оттуда вряд ли удастся повторно сбежать симпатичной чешской девушке.

Однажды во время очередной дружеской экскурсии Ладейнин и Мартина навещали ма-

ленькое селение, куда вел фигуристый железный мост, затем — тропа, предназначенная для курортного, вполне себе лечебного моциона. Там, на другом берегу реки, за рощицей кудрявых моравских рябин, стояло несколько домиков под красной черепичной крышей, и они скорее походили на деревенские строения в отдаленной скалистой местности, куда была отправлена Мартина.

Уходя из сада, Ладейнин обернулся, высмотрел среди высоких рябин за ажурным мостиком три селянские простые крыши. Подумал: «Не журишь, племянница Маржены! Скоро тебя вернут на прежнюю службу. Уедет офицер, невольно ставший виновником твоей ссылки. Ты должна забыть его. А ему — и дальше продолжать безуспешные розыски потерянной семьи; справлять свою беду, которую, судя по двум долгим последним годам, никогда уже не избыть!»

Майор хорошо помнил ту прогулку: спутница-гид вовсе не отличалась неумолчной разговорчивостью, предпочитая просто идти рядом и в тихой смущенности опускать глаза. Они — сейчас это стало для майора почти достоверным фактом — светились девичьим нежным, неслучайно радостным счастьем.

«Маржена Плицкова и Мартина Блажекова, вы родственницы. И вы уехали, если в точности, неизвестно куда. Отбыли во второй раз, — неожиданно для себя Валерий заговорил сам с собой тем официальным тоном, каким служащие встречают граждан в некоторых государственных конторах. — Всё ж таки думаете возвращаться в ближайшее время?»

Порассуждав столь неуместным образом, он рассердился, нахмурился, поспешно зашагал в направлении обжитой своей лечебницы. Но вдруг остановился. С какой стати ему туда топиться? Ладейнин стал расхаживать по грушевому саду кругами и сделал себе выговор: «Пациент чешских врачей! Не ломай голову! Какое дело тебе до путешествия племянницы и тетушки? Если пожилой тутошной женщине удалось сговориться с молодой девушкой, то и пусть они едут куда хотят! Неужто засобирался в госконтору под руку с Блажековой?! Успокойся, в одиночку погуляй по городу!»

Однако засело в Ладейнине ощущение, что

жизнь вдруг наполнилась четкой несправедливостью. Укрупнился ком несчастий, и без того солидный — он стремительно покатился туда, где пять минут назад грозный рев автомобильного мотора дополнился противным визгом резиновых шин на дорожных поворотах. «Мартина вышла недавно из школьного возраста, — усмехнулся Валерий, определяя себя в болезненные недотепы. — Не хватало тут еще русскому майору в заполошности направиться в женихи!» Вознамерившись уйти подальше из грушевого сада, он спустился к набережной, которая повела его вдоль реки вниз, к Почтовому двору, простоявшему не один десяток лет на скальной площадке. В нем частенько звучали веселые инструменты оркестра, потому что в городке так уж повелось: музыканты развлекали курортников поочередно и в скверике, обжитом стройными полями, и тут, в старинном просторном здании, где была отличная акустика и всегда хватало посетителей.

Пострелять разве майору? Вполне возможно. Почему нельзя, раз он отошел чуть в сторону от скальной площадки? Встал Ладейнин близ источника, бетонная чаша которого сияла платиновыми пузырьками минеральной воды. Неподалеку тут, у синего павильона, обитого добротной фанерой, на которую пошло немало буковой древесины, Валерий услышал негромкие хлопки выстрелов и догадался: жизнерадостно пульнуть не проблема, ведь за тонкой свежескрашенной стенкой — тир. Надо полагать, здесь открыт тир, чтоб любой бывший военный мог запросто на пару минут взять пневматическую винтовку и припомнить свое убедительное победно-боевое прошлое. Коль приглашают развлечься, а у тебя сей момент душа не на месте, — тогда ладно, не грех уйти от мыслей, гудящих в голове. Нужно лишь пойти туда, где под низкой крышей пахнет свежими опилками и ружейной смазкой, словно ты вдруг очутился возле ротной пирамиды с автоматами.

У задней стены, подсвеченной яркими электрическими лампами, на широкой деревянной планке расселись персонажи сказок чешской писательницы Божены Немцовой. И черт, и ведьма, и девятиглавый змей — все они,

злыдни, миру всему гуманному достаточно известны. А выглядят так нахально, заносчиво, нагло, что руки посетителей сами потянутся к наказующему оружию. Видать, честный, очень добросовестный мастер наладил куклам эти внешние образы, триумфально бесовские, воительно торжествующие.

Погодите, злыдни, воодушевился Валерий: не я буду, ежели не совладаю с прицелом и внезапно промахнусь. Первой станет, решил он, адовая, жутко лохматая бодливая образина. Приладившись, направил вороненый ствол на черта, а тот — ровно для неотложного ответа! — налился воинственно искрящейся чернотой в электрическом свете лампочки. Заблестели его страшные, исключительно длинные рога. А что скажешь о его носе, этом огромном темно-синем баклажане, что висит между седоватых щек?.. «Нет, ты не прав, черт! Твоя настроенность на каторжный мир мертвых не пересилит нашего умения стоять, выцеливать, не сдаваться всяческому неурядицам, — стрелок покрепче сжал винтовку. — У нас промах не должен случиться». Меж тем дьявольская образина продолжала выпячивать подбородок, над которым нависли верхние зубы гребенкой остроконечных лезвий. Валерий перевел дыхание, снова приложился к нагретому щекой металлу оружия. «Клыки клыками, — про себя резонно высказался, — да только в неприменности свинцовая пуля обязана впечататься в угольно-аспидную шкуру с фиолетовыми кудрявыми завитками».

Выстрел прозвучал хлестко, и черт, недовольно дернувшись, провалился под широкую деревянную полку. Теперь по ней шли, выказывая обидное презрение всем присутствующим, покачиваясь, вроде бы даже лихо приплясывая, неукротимый девятиголовый змей на пару с ведьмой, у которой объявилась охота беззвучно яриться, прямо-таки на убой сверлить стрелка маленькими злобными глазками. Платок у нее на голове стоял... ведром не ведром, но в истинности — будто дырявый дуршлаг. Алюминиевые плоские глаза, по мере того как через прорезь прицела смотрел на них Валерий, начали заметно белеть от иступленного гнева. Два непомерно больших резца вылезали на мясистую нижнюю губу, посверкивая

на манер мельхиоровых ложек. Платье страшной особы опускалось донизу в неукротимой деревянной прямоте — широченно крепкая дубовая кадушка, да и только! Полагалось медлительному стрелку с его свинцом поторапливаться: весьма наглядными были у ведьмы острые когти. Наблюдалась у них способная подвижность — именно такое неискоренимое желание, чтобы поскорей вцепиться в горло тому, кто снаряжал винтовку для точно выстрела. Щелкнула по кадушке пуля, и ведьма провалилась, полетела туда, куда только что канула аспидно-черная образина с рогами. И слышится Валерию неуклончиво требовательный приказ: «Нечего прохладяться! Бей! А то надеются тут, что блестящий милостивец, то бишь девятиголовый змей, покажет кое-кому, где раки зимуют».

Нервы стрелка напряжены, однако нет у него желания пороть горячку: ладонь плотно прижата к цевью оружия, которое цвета сажки. Многоопытный вечно голодный потребитель человеческого мяса, этот страшный змей, видимо, готов разинуть пасть. Верхняя голова — с пронзительными, узко расставленными глазами, и полнятся они бешенством, играют в них разными оттенками хоть бледновато-аленького колера, а хоть бы и того разъяренно-страшного, донельзя плотного, кровавого замеса. Все змееподобные шеи и желто-зеленое туловище просвечивает черной жидкостью, бегущей по сосудам, алчущим добычи. Так что жми на курок, Валерий, пока не обожгла зловонным дыханием, сернистым дымом, лавиной огня близкая смерть! Он свершает свое решительное деяние — и вот свинец из вороненой винтовки летит к верхней зубастой лютой голове. Ненасытное чудовище нехотя опускается в сокрытую глубину подполья.

Господа из мира чертовщины! Чтоб вам было, как говорится у нормальных земных людей, пусто. И еще раз пусто!

После стрельбы Ладейнин вернулся назад, в лечебницу. Дело шло к вечеру, пора было собираться ко сну.

А рано утром, в половине шестого, — стук в дверь. Ладейнин никого не ждал, оттого открывать сразу не поспешил.

Открыв глаза, он глянул в полуоткрытое окно: там, за стеклом, сизым по причине изморосной влаги, клубы тумана дышали, шевелились над прелой землей, нагретой за прошедший день. В комнату проникал запах соленого йода, морских водорослей, тронутых увяданием на дальних берегах.

У Ладейнина разыгралось воображение. Что представилось ему?

Наверное, очень сильно дохнул там, в довольно высоких широтах, Ледовитый океан. Оттого надвинулся на Фарерские острова туман — от мшистых каменных поднятий быстро покатилося, полилось косматое млеко повдоль Северного моря. Добравшись до песчаных дюн южного бережья, оно накрыло силезские долины, заскользило в сторону сумрачного немецкого чернолесья. Однако низкие вершины Шварцвальда не смогли задержать его, поэтому поползло туманное млеко в Чехию, в долину реки Огрже, а здесь... как было не забраться в сонные ущелья Хебского хребта?

Сильный аромат йодистой воздушной волны поднимался вверх по кручам. В конце концов, туман, дышавший океанской прохладой и щедро наполненный запахом обмякших морских водорослей, пошел не куда-нибудь, но как раз прямо к окнам мирного курорта, к его открытым форточкам.

«Не исключено, — подумалось Ладейнину, — так оно и происходило. А если в природе что-то не слишком вразумительное приключилось, то я не виноват. На улицах, чудится мне, пахнет просоленным северным взморьем, где вместе с командой русских и польских батарейцев довелось не так давно бить не желавших отступить черномундирных господ эсэсовцев».

Валерий поплотней укрылся толстым одеялом. Подумал: кто бы мог стучать к нему в комнату в такую рань? Могла прийти уборщица, протиравшая полы на этаже... Оно, конечно, выглядело бы вполне резонно, и всё же подобная санобработка имела возможность подождать ровно до такой же степени, в какой имелась возможность у почти излечившегося Ладейнина нисколько не торопиться с неурочным подъемом.

Мглистое утро усиленно способствовало

продолжению отдыха, столь необходимого после многочасовых вчерашних прогулок. «Предполагаю, лучше протирать полы малость попозже, — пробормотал Валерий, закрывая глаза. — Не помешало бы мне получше выспаться».

Но теперь, спустя сколько-то минут, стук повторился. Он был негромким, деликатным, но при том настойчивым, чтобы ни у кого не возникло мыслей насчет нелогичных ранних приборов в санатории, где привечали боевых офицеров.

Закутавшись в одеяло, майор встал с кровати. Сыроватый сквозняк холодил пальцы израненной левой ноги, которые были нещадно заморожены еще в зимнюю кампанию года сорок четвертого на Сандомирском плацдарме.

Открывая, забухтел из-за двери:

— За окном не видать еще солнышка. Не рановато ли у меня уборкой занялись?

Незамедлительно последовало четкое:

— Здравия желаю, товарищ майор! Разрешите обратиться?

Ладейнин открыл дверь: в полутемном коридоре высилась фигура Семакова — на гимнастерке выделялись два ряда медалей, ефрейтор улыбался и безбрежно, что называется, и от души радостно.

Шустрый водитель из хоззвезда части, расположившейся в Праге. Вот уж кого не ждали здесь увидеть! Шофер в свое время выполнил приказание штабного начальника — доставил майора в санаторий для поправки здоровья. Но сегодня что за веселие приключилось? Срок пребывания в лечебнице офицера, которого вдруг начали преследовать хвори, не закончился — это бесспорный факт.

А может, неожиданно большущая радость обозначилась в родном подразделении и там без Ладейнина праздник не праздник?

— Ефрейтор! Ты бы еще посередь ночи объявился! — пожурил Ладейнин.

У того на лице не исчезла широкая улыбка:

— Прибыл без лишних задержек, хоть в предгорьях туманной мокредыни выше головы. Сей момент разрешите поинтересоваться вашим здоровьем. Опять же — напористо дождливая погода. Плащ-палатка пригодилась или как?

Рассердиться на этакого живчика, шибко говорливого, ничего не стоило, зато стоило тут без промедления добиться от визитера нужной вразумительности.

— Через порог разговаривать не станем. Заходи в комнату. — Ладейнин впустил посетителя. — Объясни, почему вламываешься в санаторий с утра пораньше. Неужто кое-кому в нашей воинской части надобно проведать о погоде в Западной Чехии и о самочувствии санаторного пациента?

— Позвольте доложить, — Семаков закрыл за собой дверь, спешно убрал с лица улыбку. — Здоровьем вашим интересоваться приказало штабное начальство. С тем я сегодня прибыл. И поскольку был наслышан о плащ-палатке, с которой вы уехали в горы, на месте оставив теплую шинель по причине жаркого лета, решил я узнать, бережет ли плащ-палатка ваши старые раны. Если что не так, сообщаю, что заодно привез шинель. Может, у вас имеются дополнительные просьбы?

«Мирное время нынче, — мысленно усмехнулся Валерий. — Товарищи по службе имеют счастливую возможность проявить заботу о тебе, и нечему здесь удивляться. И не вздумай промолчать о том, как идут у тебя лечебные дела».

Поразмыслив, Ладейнин пришел к выводу: досужей или нет была чрезмерная оживленность знакомого шофера, зазря хмуриться не стоит. Надо выложить ему необходимые факты, раз потребовалось ввести командование в историю его лечения. Того требовала дисциплина армейская — известить штаб о готовности к дальнейшему несению службы. О душевных терзаниях говорить, само собой, нет нужды: они год за годом лишь усиливаются, и чуть ли не каждый второй, кто в заграничье пребывает, пока что имеет свои житейские неувязки. Да кто о них не знает в дружеском офицерском сообществе?..

Выяснив, что Ладейнин вскоре благополучно покинет лечебницу и отправится в достопамятную Прагу, как есть в прежнее казарменное пребывание, Семаков охотно сообщил:

— Что касается меня, инструктаж имею — навестить по снабженческой обязанности еще два адресочка. Также — вернуться в расположе-

ние хозввода для отчета именно что до темноты. Поэтому разрешите идти к машине.

Валерий вышел проводить его. Постоял, слушая, как ефрейтор приводит заолоделый движок грузовика в чувство, потом внезапно понял: неплохо стало бы прокатиться с водителем до городской здешней окраины.

Там узкая речка покидала извилистые улочки среди каменных нагромождений глубокого нагорного распадка. Бурля и пенясь, свои спокойные волны споро несла она по ущелью, которое уширилось всё больше и больше. Потом река, отчаянно стремительная, выбегала в долинное понижение того потока, что слыл как река Огрже. А там, в долине, теплые плодородные прибрежья привечали селян с их раздольно изумрудными посадками.

Отчего, думал Ладейнин, не повидать столь интересное окраинное местечко? Затем можно будет повторить долгую ходьбу по местечку, чтобы отвлечься от сердечной маеты, которой нет и нет исхода.

Для надобности хозяйственной в части был выбран старенький автомобиль с рессорами, порядочно поизносившимися. Неудивительно, что кабину трясло немилосердно. У майора заныла не только нога, но и спина, сильно посеченная снарядами осколками в наступательном прорыве через белорусские леса, и даже кость челюсти, которую в подмосковных боях задела пуля гитлеровского крупнокалиберного пулемета.

Имеется ли теперь у пассажира нужда ехать столь далеко, чтобы возвращаться потом восвояси пешком? С какой именно целью едет? А с той, чтобы поутишить внезапно появившиеся боли в телесных ранах, подживших, однако довольно чувствительных пока еще.

Майор решил завести разговор с ефрейтором. Поглядел со значением на водителя:

— Сказать, почему еду с тобой?

Весело прозвучал ответ бойкого шофера:

— Можно!

— Ладно, скажу. Для здоровья будет полезно совершить быструю утреннюю прогулку, возвращаясь в санаторий, — признался Ладейнин.

— Будь я здесь вашим ординарцем, — деятельное соображение ефрейтора не задержалось, — вместе прогулялись бы...

— Здешним пациентам не ординарцы нужны, — пришлось уточнить майору. — Скорейшая поправка здоровья необходима.

— Ну, это конечно! — вздохнул Семаков. — Я понимаю.

Валерий тему служебную дальше не стал развивать. Потирая лоб, принялся размышлять: «Опоздать к завтраку по причине долгого моциона? Но что есть, то есть, — времени впереди много. Поэтому картина вырисовывается интересная. Пусть допилить туда, куда уехали Мартина и Маржена, не успею. Однако успею дать здесь хорошего пинка хворьям». Хотя какого хорошего добираться до горной деревни? Туда, разумеется, не пошагаешь — нельзя ни под каким видом; это исключено. Зато есть возможность организовать для себя «хождение за три моря».

Валерий Ладейнин поймал себя на мысли, что по соседству с расторопным, шустрым водителем и сам взбодрился, и даже потянуло на шутейство. Слишком заразителен бойкий настрой гостя из Праги. Оно, ладно, весьма неплохо для поддержки оптимистического душевного настроения. В той же мере полезно будет поосновательней продумать маршрут моциона.

Следует идти по набережной мимо источников, где просторный зал с колоннами имеет открытую нишу для оркестра. Стороной обогнуть то курортное здание, чье ампириное прошлое удивляет роскошным фасадом, резными башенками на углах и романтическими украшениями на входных дверях, обитых старинным черным железом. Затем не спеша прошествовать мимо городского сквера, о котором говорили, что когда-то музицировал там Дворжак, всем известная мировая знаменитость. Впоследствии Ладейнин окажется возле грушевого сада, пахнущего медом поспевающих плодов. Дальнейший маршрут будет пролегать по направлению к завтраку в своей лечебнице.

— Когда выедем на окраинное шоссе, вылезу, — повернув голову к примолкшему Семакову, сообщил о своем намерении.

— Товарищ майор! — мигом оживился тот. — Выполню приказание очень даже в охотку. Потому как не проходит желание стать вашим ординарцем, — усмехнулся.

— Не выйдет, — Ладейнин хмыкнул с укоризной. — Был ведь разговор.

— Извините, — шофер от смущения чуть покраснел, — разговор случился, да всё ж таки не закончился...

— Ефрейтор! — замечание шустрому Семакову прозвучало вполне резонное. — Что еще за новости?

От солдатского телеграфа не укрыться адресам тех инстанций, куда обращался офицер за помощью в розысках семьи, пропавшей в эвакуации. И водитель хозввода, и письмоносец, и связист, ходивший в дружбанах со штабным писарем, — все они были земляками и по своей, как говорится, линии довольно сведущими людьми касательно разговоров о Валерии — артиллеристе пусть молодом, но весьма толковом, которому к тому же светило скорое повышение по службе.

Семаков быстро заговорил:

— Я вступать в пререкания и не думал. Дисциплину понимаю. А толки знай себе идут. У нас, к примеру, всему подразделению известно: трудные военные задачки шелкаете вы как орехи. Значит, быть майору в скором времени заместителем командира бригады. По технической части. Как раз на должности полковника.

— Вижу, фантазиями увлекаешься, — осадил ефрейтора майор Ладейнин. — Неясно вот только, зачем мне знать о пустых толках.

Семаков, чувствуя столь активное, столь большое недоверие пассажира, передернул плечами, заерзал на своем потертом дерматиновом сиденье, крепче за баранку ухватился.

— Извините еще раз, товарищ майор! — сказал он. — Однако у меня всё по существу, никаких придумок. Солдатский телеграф, он всегда и везде шустрит потихоньку. Мои земляки, полагаю, подметили кое-что, поэтому появилось у всех них соображение, что хорошее впечатление производите вы на кадровиков. Очень факт непострой обозначился, когда послали меня справиться о вашем здоровье. Мы, русские, в Праге постепенно сокращаемся, как велят мирные времена. Ну, а вам дорога лежит в Германию, в городок Магдебург, он аккурат возле Потсдама, где приключилась конференция союзников.

— Ваш телеграф что-то чересчур хваткий, — сухо заметил сомневающийся Ладейнин.

— Я и говорю: шустрит.

— Всё вы знаете. Или, может, наоборот?

— Как это? — не понял Семаков.

— К слову, ждет майора Ладейнина демобилизация! — сказал майор.

Проворный водитель расширил глаза, весь встрепенулся не мешкая. Отреагировал не так чтобы очень бурно, а всё-таки с очевидной старательностью, которая выказывала: уважаемый пассажир попал внезапно, задел его за живое.

— Да как же? Напрочь такое невозможно! — говорил ефрейтор. — Позвольте подробно доложить. В части высоко ставьте товарища боевого артиллериста. А я что? Меня, обычного шофера хозяйственного взвода, нынче, при всяких сокращениях, готовят к отправке на родину. Я же очень не против еще послужить. В послевоенной Европе наша военная сила не лишняя. Пригожусь, может быть, и я где-нибудь. Что мне из армии рваться? Не женатый, без семьи. Вам, положим, ординарец станет необходим. Имейте, пожалуйста, ефрейтора в виду. Вдруг что не зазря именно моя машина была отправлена к вам в санаторий.

— На старом грузовике поедет с тобой в Германию? — иронизировал Ладейнин.

— Шутите, наверное, товарищ майор. У нас и новенький «студебеккер» найдется, — заверил Семаков.

— Ладно. Поживем — увидим, как оно будет.

Над бортом ущелья занималась заря. Сквозь малиновый туман проступал край солнечного диска, и в плотном сыром воздухе скрипичной струной тоненько, печально пел ветер.

Валерий поддерживал разговор с водителем, но тревога в душе не проходила, даже почему-то нарастала. Возможная служба в иных краях стала тому непосредственной причиной или что другое?..

Самому себе надобно признаться: пускай всяческие беспокойства усиленно множатся, предстоящие изменения в служебных обязанностях вовсе не исчерпывают смуту в горячей голове. Сделать свое дело артиллеристу, побывавшему в различных огневых бедствиях и круговых свинцово-железных навалах, не новинку станет. На какую бы должность ни продвинули, она не повергнет в смятение фронтовика.

Есть незадачи иные сегодня. Когда годами тебе нет вразумительных ответов со стороны ответственных инстанций, как справиться со шквалом обжигающих соображений? Тут вряд ли станет подмогой умение в любых обстоятельствах с пушками и танками управляться.

Задуманный майором моцион, пеший и столь долгий, закончился истинно что к завтраку, а потом день тянулся без происшествий.

О фантастических предположениях солдатского телеграфа Валерий не вспоминал, и ночь пошла спокойно: видений не было никаких. Спал, что называется, очень крепко, вмертвую. Скорее всего, по причине глубокой усталости не очень пока что здоровых мышц организма.

Поутру снова раздался стук в дверь. Если Семаков с неожиданными новостями возвратился, подумалось Валерию, то почему бы ему не подождать, пока я тут не покончу с бритьем? Крикнул, на шаг отступив от зеркала:

— Пару минут!

Удивился, когда дверь открыл и на пороге увидел Мартину Блажекову.

— Валерий! Вы не Ладунин, вы Ладейнин, правда?

Почему она спешно вернулась из отдаленного поселения, которое пряталось в расщелинах сумрачно-туманного по нынешней погоде хребта? Если б не стало секретом, куда тетушка увезла племянницу, то всё равно... Но вряд ли было уместным расспрашивать о нужде, заставившей юную Блажекову вернуться.

— Как пришла на работу, — звучал извинительный тон в словах посетительницы, — тут сразу пришла и почта. Принесли три письма, и теперь я пришла к вам, чтобы сообщить. Одно из них Ладунину пришло, два — Ладейнину. Мне, сами понимаете, нужно их зарегистрировать.

— Понимаю, — ответ его ничуть не скрывал догадки насчет того, насколько сильно сейчас взволнована Мартина. — Перед вами Ладейнин.

— Хорошо. Тогда пошла регистрировать. — Уходить ей, видимо, не хотелось. Добавила: — Потом принесу вам письма.

В ее речи наблюдались повторы, запиночки,

Юная особа говорила краснея. Потом, опустив голову, заторопилась прочь.

До завтрака свежих писем Ладейнин не увидел. Майор, быстро молотивший омлет с чешской колбаской, то и дело строил догадки, есть ли все-таки положительный ответ из родного города Валентины, жены его, или нет по-прежнему. Выходя из светлой, освещенной солнцем столовой и намереваясь пройти в холл первого этажа, он скоро миновал площадку лестничной клетки. Но до холла не дошел: возле большого квадратного стола с шахматными фигурами солидных размеров майор встретил Мартину с почтовыми конвертами в кармашке фартука.

Поблагодарив подошедшую девушку, он взял почту из ее рук и, конечно, мигом утерять все прежние мысли о том, почему юная особа не осталась в деревне, с какой целью вернулась назад, в санаторий, где и без Валерия хватало русских офицеров на излечении. Посмотрев обратные адреса на посланиях рядом со штемпелями далекой родины, догадался: это ответы на его письменные запросы, в том числе из северного городка, куда обращался повторно.

Прислонившись к перилам серой бетонной лестницы, Ладейнин пробежал глазами уведомление директора лесопилки, где жена стала служить бухгалтером, после того как семья уехала, спасаясь от фашистов. В сорок третьем году объекты производства загорелись в результате авианалетов. С десятков штабелей готовой продукции ушло с дымом, даже пришлось временно прекратить разделку сосновых баланов, поскольку из строя вышли пилорамы. Все занятые на производстве, местные и приезжие, подались кто куда, потому что работы для житейского пропитания уже не хватало в маленьком поселении. Валентина Осиповна Ладейнина, если судить по рассказам очевидцев, отбыла в родной город. О том, как сложилась дальнейшая судьба семьи Валерия Гавриловича Ладейнина, нынешнему начальству лесопилки неизвестно. Также не осведомлены те официальные инстанции — райсовет и управление местной промышленности — куда с кадровыми вопросами не раз обращалась дирекция. Другое письмо — из города, где проживала ранее же-

на, — извещало: ни в сорок третьем году, ни в сорок четвертом, ни в сорок пятом от Валентины Осиповны Ладейниной документов не поступало, ни одного не было зафиксировано требования вернуть ей комнату в доме.

Снова безнадежность накрыла майора: по каким адресам ни пытался рассылать подобные просьбы, а результат один и тот же. Ничего теперь, видно, не поделать. Опять дали о себе знать фронтовые раны, к этому времени более-менее залеченные. Тяжело задышав, Валерий пошатнулся, присел на бетонную ступеньку лестницы, смял в отчаянно сжатом кулаке белые плотные листки убедительных весточек с родины.

Мартина, заглянув болезнью в лицо, сразу присела рядом. Слов утешения она ему не говорила. Что-то, наверно, всё ж таки хотела произнести в порядке участливой поддержки, однако не решилась. Теперь пациент лечебницы дышал ровнее, без того приглушенно хриплого надрыва, что вызывал тревогу у Мартины. Девушка с сочувствием посматривала на Валерия, но, стесняясь, то и дело отводила взгляд в сторону. При всем том в девичьих глазах было заметно непоколебимое упрямство, благородное сопереживание. Мартина явно не спешила по своим делам, ей хотелось задержаться как можно дольше рядом с ним. Всем своим видом, поведением она будто показывала: не покинет она Валерия. Никогда!

Мужчина, выдавший виды в сражениях, внезапно ощутил, сколь серьезно намерение юной особы облегчить, скрасить дни его. Отдышавшись, он привел мысли в порядок и, чтобы переменить тему, задал вопрос:

— Ты ведь вчера уезжала с тетей в горную деревню. Будучи на прогулке, видел ваш автомобиль. Как мне стало ясно, тетя тебя уговорила. Если так, почему вдруг ты вернулась в лечебницу?

Она безо всякого выражения, очень просто, уставившись в матовую филенку закрытой двери, начала рассказывать:

— Там нас ждала старшая сестра Маржены. Мы сели обедать. К столу пригласили мужа сестры, их взрослых уже детей. Не спеша по-семейному ели суп. И тетя рассказывала, как спасала меня от фашистских палачей. Тог-

да как раз чешские патриоты убили Гейдриха, главу имперского протектората Моравии и Богемии. По всей Праге прошли обыски, уличные расстрелы, показательные расправы. Мои родители погибли страшной смертью. До вчерашнего дня оставались тайной для меня все подробности происшедшего, потому что меня, тогда — школьницу, берегли от ужасов кровавой бойни. Я уже два года как не школьница. После откровенной беседы у меня аргументы появились...

— Какие? — У Валерия семейная история Мартины нашла сочувствие. — Прости, вдруг возник интерес.

Собеседница в подробности вдаваться не захотела, вела свою линию беседы:

— Я изложила тетушке Маржене собственные аргументы, и ее знакомый отвез нас в город. А еще до темноты я успела сбегать туда, где за рекой стоят сельские домики с красными черепичными крышами. Заказала одной из хозяек обед, и даже сама успела сварить кое-что интересное, — девушка покраснела от смущения, добавила: — Между прочим, готовить люблю, многое умею. Может, посидим с тобой за столом семейно, по-хорошему?

С ответом Ладейнин торопиться не стал. Поднявшись со ступеньки, прошел чуть вверх по лестнице, поглядел в окошко, что находилось на полпути от первого этажа ко второму. На улице разгулялось утреннее тепло, и по всему холлу плясали апельсинового цвета пылинки. От минуты к минуте жара теперь станет набирать силу. В столовой к полудню распахнут все двери, окна, одновременно поплывут из кухни всепроникающие аппетитные запахи. У посетителей обнаружится резонное желание сменить плотные кители, цивильные пиджаки на легкие безрукавки.

Однако так ли уж оно бездумно, напрочь беззаботно здешнее санаторное пребывание? Вернувшись к шахматному столу, где хватало места для объемисто-больших фигур, Валерий поставил рыжего, с золотистой мордой, коня следующим образом: высоченный черный король очутился под атакующим ударом. После чего майору осталось лишь произнести многозначительное для девушки:

— Шах! Этот исход, само собой, предсказуем.

Та молча покачала головой, и не чувствовалось в юной особе согласия на слишком решительные действия шахматного игрока.

Не в характере Ладейнина отмалчиваться. Он постарался быть убедительным:

— Тетушка категорична очень. Да всё-таки нетрудно ее понять. Она считает чересчур разными наши с тобой судьбы. Впереди мало будет хорошего, если не послушаем опытную женщину. Почему я верю Маржене? Как же иначе, если тоже знаю толк в судьбоносных бедах? Доводы старой женщины не просто по-семейному осторожные, они весьма значительны для житейских нынешних обстоятельств.

Склонившись к рыжему коню, Блажекова заметила: в положении атакующих и тех, кто защищался, нет особой осмысленности. Ну и ладно! Нисколько не смутившись этим порядком, она смело — как у шахматистов полагалось, на бок! — положила хозяина черных с его короной:

— Получай! Вот тебе, нелояльный король! Мат!

— Тогда, Мартина... определенно мне знать нужно, — майорская задумчивость возрастала в очень заметной степени, — какие именно твои аргументы вдруг заставили тетушку отступить?

У девушки были соображения, о которых говорить она не предполагала, однако на сей раз позволила себе высказаться:

— Мои родители получили в Праге известность как антифашисты. В нашей семье прекрасно говорили по-русски. Родители были убеждены, что русский народ достоин высокого уважения. Вслед за писателем Гашеком и его солдатом Швейком посмеивались над австрийским головой Францем-Иосифом. Ведь еще недавно тот отличался имперской уверенностью, будто навсегда чехи ему покорились. Гитлеровцы, захватившие Судеты, установившие имперский протекторат над Моравией и Богемией, тоже получили от нашей семьи свою долю неприязни. Маржене и мне удалось укрыться от пражского побоища в Рудных горах. Конечно, я благодарна тете за родственную помощь, за спасение. Однако вчера там, в деревне, произошло неожиданное для меня... Ко мне пришло понимание, что жить дальше буду с открытыми глазами. Шко-

ла позади. Я стала взрослой. Отныне решать свою судьбу мне придется во многом лишь самой. А у тебя, Валерий, большое горе, и оно мешает твоему полному выздоровлению, за которым ты сюда приехал. Сегодня моя очередь оказать человеку посильную помощь. Поэтому... в дом за рекой мы пойдем с тобой вдвоем. Через несколько часов в просторной комнате будет накрыт стол с праздничным обеденным угощением. Да, у меня родителей нет... но моя семья сможет получить надежное продолжение...

Очутился Валерий в положении и трудном, и довольно странном. Рядом с решительной девушкой обнаружил, что на эту минуту вдруг растерял слова, необходимые для столь сложного разговора. Конечно, он вернул черному королю вертикальность. Однако стоять у шахматного стола, играя малоубедительную роль запыленного-усердного противника, представлялось ему занятием излишним, даже весьма нежелательным. Размышляя, как выходить из ситуации, он стал тереть подбородок. Наконец нашел, по его мнению, верный подход к собеседнице, волновавшейся очень искренне — вплоть до румянца на щеках. Не следовало сейчас выказывать одобрение либо неодобрение. Для ситуации, вдруг сложившейся, подходила только интонация недопонимания. Оттого задал вопрос, где присутствовало нейтрально рассудительное здравомыслие:

— Извини меня. Слушал всё очень внимательно, история, о которой узнал, не могла не тронуть. И хочется мне быть полезным в твоих жизненных затруднениях, но как прикажешь воспринимать речь насчет продолжения семьи? Что все-таки сегодня у нас получается? Помолвка? Без одобрения тетушки Маржены?

— Не задавайте, прошу, ненужных вопросов, — девушка упрямо вскинула голову. — Будет просто наш праздник.

Мартина согнала с лица румянец, лоб и щеки у нее побледнели. Майор обратил внимание, что раньше девушка обращалась к нему на «ты», а теперь — на «вы». Ощущение, что Ладейнину был предъявлен праздник помолвки, потихоньку отступало.

А пылинки по воздуху, пронизанному радостным солнцем, плыли, плыли. И поднимались

вверх. И пропадали там, словно их над лестничным пролетом и не было ни одной.

Середина дня, когда вдоль набережной активизировалось движение курортных гостей, подбавляла и подбавляла тепла на улочки. Даже на мосту, перекинутом через беспокойный поток минерализованных вод, мощная энергия раскаленного светила выжимала каждому, несмотря на заметный ветерок, пот на лбу, если пустился вышагивать по звонкому железу без шляпы.

Ладейнин, разумеется, не запасся ничем подобным, почти месяц назад отправившись на излечение в Рудные горы. А фуражку, хоть ранее и взял ее в дорогу, сегодня оставил в палате. Майор шагал рядом с юной особой к приметным домикам за рекой, сам себя журил: «Идет он, понимаете ли, на обед к незнакомым людям. На сей момент по набережной приезжие прогуливаются достойно, в приличном, что называется, виде — в головных уборах. И наверняка имеют при себе платки на случай, если выступит пот. У тебя, майор, есть ли что-то подобное для перегретого лба?»

— Забыли взять платок? — словно угадав его мысли, поинтересовалась девушка, видя, как поспешно Валерий стал шарить по карманам. В ее голосе прозвучала почти материнская заботливость. — Мой предлагаю взять.

— К счастью, не забыл, — Валерий достал наконец из форменных брюк клетчатый полотняный квадрат. — У меня всё нормально.

Одновременно с этим мысленно отметил Валерий, какая разумная у него спутница, и приметлива, и понятлива.

Одноэтажный дом под черепичной крышей встретил парочку радушно. Хозяйка в белом платочке, в фартуке с россыпью оранжевых треугольничков принесла и поставила перед гостями большую фарфоровую посудину с отварным картофелем, посыпанным петрушкой.

Поглядев на Валерия, не удержавшегося от того, чтобы снова достать платок и обеспокоенно протереть влажные виски, Мартина решила обрисовать картину для него:

— Всё будет так, как полагается. Мне известно, что не всякая пища подойдет пациенту санатория. Здесь я бы могла предложить жареную

свинину с капустой и кнедликами. Хозяйка прекрасно мясо готовит. Если скажешь, что тяжеловата такая еда для твоего желудка, не станем прерывать курс лечения. Тогда обрати внимание, какие приготовлены картофельные яблоки. Сама выбирала. Они особенно белые и вкусные, для них с грядок взята свежая зелень, которую кипятком ошпарили и тщательно порубили. Уверена совершенно, тебе несколько не станет после обеда хуже.

Разве имелись у Ладейнина предубеждения касательно аппетита пахнущего угощения? Да никогда и нипочем. Напротив, была у него та прежняя выраженная вкусовая приверженность с той поры, когда на фронте он и его сослуживцы с воодушевлением встречали походную кухню с тушенкой и густым овощным варевом. Именно по таковскому основанию дал волю себе: во все времена уважаю, мол, картофель, хоть жареный, хоть печеный, хоть отварной!

Вновь заговорила Мартина:

— Не спеши. Хочу продлить наше застолье. Не нужно всё-таки налегать, наедаться безоглядно. Подадут и новые блюда, и если много их появится на столе, то лишь потому... — она внезапно замолчала.

Валерий вынужденно поинтересовался:

— Почему?

— Русский офицер, — отвечала девушка, — должен увидеть... — снова умолкла.

— Что?.. — ему пришлось вежливо настаивать. — Что, прошу прощения, увидеть мне необходимо?

— Убедишься сам, всё здесь окажется вкусным, — она улыбнулась. — Я хорошо управляюсь у плиты. Многие кушанья, которые по моей просьбе поставит на стол здешняя хозяйка, готовила я сама.

Когда тебе приходится участвовать в беседе слишком уж многозначительной, отметил для себя Ладейнин, не мешает легонько пошутить. Он отведал, поумерив аппетит, немного картошки. Оценил по достоинству, можно бы умять и второй кусочек. Но как заманчивы обещания Мартины насчет новых блюд!

— Посмотри, нам уже несут вареную пшенку с пареной тыквой, — предупредила гостя Мартина. — В местных огородах, если на солнце-пеке, всегда вырастают очень приличные виды

кабачков. Они обладают отличными диетическими свойствами. Каши получаются действительно полезными для желудка. Из различных урожайных сортов я выбрала замечательную тыкву. Самую здоровую, самую лучшую.

Что ж, наступил черед второго угощения. Валерий зачерпнул ложкой пшенки, попробовал и отметил:

— Нельзя не согласиться, запах весьма приятный, а этот медовый вкус, он поистине отменный!

На лице гостя отразилось удовлетворение столь явное, что кулинарная тема разговора опять получила продолжение.

— Не желаю скрывать, — говорила Мартина, — для семейного будущего мои способности окажутся очень полезными. Я ведь не глупая, хоть никаких поварских курсов не кончала. Вот, например, возьмем десерты. Они ведь бывают разными. Одни — с фруктовыми сладостями. Встречаются также и с коржиками, пирожными, тортами. Увидишь иногда странные — с линами и соленой рыбкой. Смешно, да? Однако мне известно: гурманы во Франции считают, нет ничего такого, что нельзя было бы к десертам отнести.

— Во Франции если — то это как им там желается, — Ладейнин пошел делать весьма уместные, как ему представилось, выводы. — В конце концов, о тамошних гастрономических изысках весь мир осведомлен. А ежели здесь, на чешской земле, некоторым победителям фашизма выпал приличный случай заморить червячка, то почему бы не взять и не подзаправиться?

Ладейнин, конечно, постарался выглядеть вполне приятным собеседником. При всем при том сам себе мысленно сразу доложил: кому как, а мне после медовых привкусов, пожалуй, ничуть не помешает продегустировать толстый блин с ломтиком нашей северодвинской семги.

Ишь ведь, что выходит! Охотно сообщает собеседница, насколько любознательна, какой интерес у нее к новым полезным знаниям. Беседа ведется, если поглядеть, с готовым прицелом. Каким? А таким, что устроила обед как бы праздничный: для гостя, нет и речи о помолвке. И всё ж таки присутствует в словах хозяйки

застолья намек более чем настоятельный. Для Мартины сегодняшнее застолье вовсе не будничное мероприятие. Она погружена в неотвязные мысли о семейном будущем. И, значит, подспудно ведет речь именно что о помолвке, потому что всё, как оно есть и как должно сложиться в дальнейшем, у нее уже решено.

Валерий попытался шутить:

— Полагаю, десерты не обойдут стороной широкий наш стол. Жаль только, из кухни пожалует соленая рыба, а мне жареное либо шибко соленое...

Ответ получил в моментальности быстрый:

— Конечно, рыбу, копченую или соленную, мы не поставим перед тобой. А про десерт скажу так: приготовлен по моему личному рецепту. Сейчас то, что было придумано мной, принесут. Учти, я всей душой надеюсь...

— Заранее уверен, — торопился витиевато объявить Ладейнин, — изобретение твое представит в блеске наивозможного кулинарного великолепия.

Скромно потупившись, Мартина пододвинула к Валерию блюдо, походившее на обыкновенную кашу, но исходившее нежным фруктовым ароматом, сладковатым парком. Всё оно было разукрашено сверху какими-то разноцветными дольками. Глубокую тарелку принесла расторопная помощница Блажековой и не упустила случая лукаво заметить:

— На вид чрезвычайно мало чем поразит. Однако никогда не пробовала ничего более вкусного!

Пришедшая женщина хлопотала у стола, улыбочиво давая радушные разъяснения. После чего уплыла за дверь гостиной, туда, где располагалась кухня с горячей плитой.

— Ну что же, осталось ли местечко для овсянки? — Явной гордости в словах изобретательницы Мартины не наблюдалось, была одна только уверенность: пожилая хозяйка дома не ошиблась в похвале даже на малый грошик.

— Осталось, — ответил гость, на этот раз у него не появилось желания сыпать комплиментами, всё же постарался тонкой вежливости не утратить. Добавил: — Согласен отведать не одну ложку удивительной каши.

Ладейнин потянулся к блюду.

— Как можно заметить, я использовала су-

хофрукты, — чередой шли Мартинины под сказки. — В саду за огородом стоят старинные яблони. Плоды хозяйка сушит каждый год...

— Что за сорт? — у собеседника проснулась любознательность. — Деревья те, когда мимо прохожу, обращают на себя внимание. Они очень большие.

— То старинные яблони сорта «Розмарин» стоят, — пояснила Мартина. — Не перебивай. Дай мне рассказать всё в подробностях. Плоды груш и яблонь сушат под навесом довольно долго. Стараяются, чтобы полезные вещества сохранялись в полном объеме. Понимаешь? Здесь верить в особую целебную силу горных трав и фруктов. Я попросила хозяйку отварить крупные отборные дольки и подать тебе вместе с кашей. А каша необходима желудку санаторного пациента. Витамины, микроэлементы не упустят своего... Сам почувствуешь это.

— Это? Что именно? — решил уточнить Валерий.

— Животворное благо, — значительно посмотрела девушка на гостя. — Большое добро для тебя в выздоровлении.

— Здесь промашки нет, — поспешил сказать майор, отправляя в рот почти прозрачный желтый, на диво сочный ломтик розмарина. — Есть внутри благодать.

Ощущалось во вкусе его и аромате свежее дыхание Рудных гор, новые побеги старых ельников и кустистых темно-зеленых можжевельников.

Девушка наставительно продолжала свою речь, и ее глаза с каждой минутой блестели всё ярче:

— Овсянка сохранила лечебные свойства. Розмарин тут усилил вкус, увеличил содержание ценных органических соединений в пище, которая санаторному пациенту до предела необходима. Видишь теперь, я многое в диетах понимаю. Пригожусь как хозяйка в твоём доме.

Валерий положил на тарелку ложку с недоеденной кашей. Не потому, что десерт начал горчить, а потому что... толчки в сердце стали болезненными. «Какая она заботливая, эта юная чешская искусница... какая добрая!» — подумал он без радости.

Тем временем на высокогорных лугах близ-

кого хребта летали пчелы, гудели, собирая нектар с венчиков цветов. Потом, следуя изгибам ущелий, они опускались в деревенские сады, где стояли облитые прополисом, пахнущие пряным бальзамом домики ульев, и здесь, под огромными старыми яблонями-розмаринами, летуны без усталости наполнили соты прозрачным, как слеза, медом — негустым, особенно текучим, легким прямо-таки до необыкновенности.

Послеобеденный час в тихой лечебнице.

Вернувшись к себе в комнату, Ладейнин раздвинул шторы, которые оказались плотно сдвинутыми. После чего недвижно постоял у широких стекол окна. Наблюдая за движением белых облаков над заречными высокими скалами, предавался размышлениям: «Уже год как над Хебским луговым разнотравьем гудят лишь пчелы. Военные самолеты, бомбившие деревни и курорты возле минеральных источников, исчезли, словно сюда и не прилетали. Растаяли бесследно? Неужели навсегда? Неужели то, что здесь ныне происходит, несколько не случайное стечение обстоятельств, а закономерность, обещающая всем нам долгое... очень долгое счастье?»

На свои вопросы сам Валерий ответить не успел, поскольку в дверь постучали. Приглашаем, дескать, зайти в кабинет опытного специалиста Томаша Фиалы, которому администрация доверила контролировать ход майорского излечения. Доктору можно высказать свои пожелания, если, разумеется, они возникли за прошедшие в санатории дни.

В комнате врача было тепло, солнце нагрело буковый паркет, потолок цвета сметаны, стены. Напротив стола Фиалы висел старинный гобелен с оживленной сценой конной охоты на фоне отдаленной горной гряды. Надо полагать, здание лечебницы тоже насчитывало немало довоенных годов, и не всегда оно использовалось эскулапами в своих целях. Если не убрали настенное украшение в какой-нибудь чулан сегодня, то лишь по причине выдающихся, особо ценных качеств полотна, кстати, весьма искусного.

Удивив пациента прекрасным владением рус-

ским языком, доктор приступил к расспросам:

— Лето есть лето. После дождей не исключается повышенный градус жары, товарищ майор. И в Париже, и в Лондоне асфальт внезапно поплыл на улицах. Не слышали?

— Не довелось прознать, но подобное возможно, — доложил Валерий, после чего принялся делиться теми ощущениями, что сопровождали процесс поправки здоровья — в полном соответствии с ворохом проблем, раз потребовалось их без промедления довести до сведения словоохотливого собеседника.

Пускай доктор знает: на сей день пешеходные прогулки, даже долгие и в гору, не утомляют пациента. Больше того, мускулы ног, напрягаясь при подъемах на гору и при спусках к реке, начали требовать продолжения прогулок. Вообще, мышечная активность обладает изумительным свойством: она отзывается глубоким дыханием, умиротворенным теплом в тех частях организма, где прежде гуляла боль, к тому же способствует не только телесному подъему сил, но и душевному.

Ладейнин удивлялся своему до странности быстрому перерождению, поэтому поведал доктору о новых ощущениях. Нашлось ли в его рассказе местечко для заботливой и усердной Мартыны? О юной особе он счел необходимым промолчать: не то чтобы постеснялся распространяться о барышне, а просто ее семейные устремления ему представлялись чересчур деликатными, не нуждающимися в широком круге дотошливых обсуждений. И всё равно тема, которую затронул пациент из далекой русской стороны, стала для Томаша, который годами заметно моложе майора, но успел против гитлеровцев повоевать вместе с бойцами чешской армии генерала Свободы, без сомнения важной.

Доктор с воодушевлением принялся развивать свои наблюдения в деле санаторного ухода за гостями:

— О, была твердая уверенность у меня! Спросите, какая? Питье воды из минеральных источников, продолжительная ходьба пешком творят чудеса. Недаром навещал нас замечательный композитор Дворжак.

Наведение порядка в человеческом организме, пришла к Ладейнину догадка, не для каж-

дого владельца медицинского диплома станет волхвованием — то есть действием по-медицински обязательным, поэтически высоким. Для одного — это рутина, связанная с процессом оформления бесконечных учетных карточек по требованию надзорных инстанций; для другого — зачастую слишком долгий подбор лекарств от больничной аптеки. А для Фиалы врачевание стало жизнью, именно потому наполненной особым смыслом, что для него за счастье даровать пациентам здоровье.

Томаш весело излагал свое кредо:

— После того как вы свой регулярный стаканчик минеральной воды выпьете и погуляете по нашим городским дорожкам, у вас начнется подъем в деятельности желез внутренней секреции. Всего полчаса пройдет, однако вдруг образование желчи резко возрастает. И через час-полтора этот чудесный процесс уже там — в апогее. Разумеется, вам не стоит беспокоиться насчет столь бурного волшебства, желчегонное устремление организма вскоре ослабевает. Тогда, может быть, у вас появится такое желание, чтобы оздоровительный эффект не исчезал. Да ведь здесь никто у нас не возражает: повторный прием минеральной воды возрождает замечательный эффект в полном объеме. Учтите, никаких побочных вредных результатов не последует, никаких не наблюдается явлений, истощающих организм. Что мы с вами в итоге имеем? Исключительно полное промывание, говоря по-простому, внутренностей того, кому предписано наладить функционирование желудочно-кишечного тракта. Итак, всё по необходимости приходит в определенную норму. Моя речь заставила вас чихнуть? В подобном случае я доволен. Со всей ответственностью заявляю: будьте здоровы!

Не имея нужды спорить, Валерий — и правда чихнувший, — с готовностью откликнулся:

— Спасибо, непременно буду! Есть у меня, признаться, такая уверенность, как раз она соответствует вашему пожеланию.

Когда Ладейнин ушел от доктора, по пути в свою комнату привычно размышлял. Вспомнил о прошедших двух неделях в санатории, что в ущелье Хебского хребта. Мысленно Вале-

рий позволил себе назревшую отгадку: «Мартина вскоре после нашего знакомства, кажется, подготавливала норму², определенную, свою. Прежде чем устроить обед, она показывала мне городские достопримечательности и между прочим поинтересовалась кое-чем. На вопрос, нравится ли мне чаевничать, я дал утвердительный ответ. И тогда что сказала она? «Неплохо бы нам выпить по чашечке чаю с вареньем из крупных ягод моравской рябины и тонких долек яблочного розмарина». Да, упоминалась именно моравская рябина, а затем случился обед, и очень даже хороший».

«И вообще, всё приходит в норму, — теснились в голове соображения. — Засыпаются воронки, следы войны в местном парке — там, где маэстро Дворжак ранее бывал. Недужные забывают о надоедливых болячках, и — глядишь! — в парке опять зазвучит музыка, и мирная жизнь утвердится в громких мажорных аккордах. Томаш, молодой врач, считает, что именно так оно и есть, так должно быть по-человечески, всегда. Не хочется ему думать иначе. Наверное, он прав, потому что весьма убедителен».

Ближе к вечеру ярый солнечный жар поутих. Перед ужином Ладейнин благополучно сходил на некоторые лечебные процедуры, а после них мыл руки под краном в своей комнате. Подрагивала четырехугольная фарфоровая розетка по причине мощного напора воды. Если ее покрутить, можно было еще вчера с легкостью перекрыть тонкую струйку, но сегодня он, водоток подземного происхождения, набрал особую мощь. Струю, до удивления быструю и толстую, нынче перекроешь, только если приложишь силу.

Выходит, наши братья-славяне, подметил Валерий, окончательно справились с морокой — то есть с этой покосившейся башней, куда не так давно залетали осколки бомб. Ясно, что в один день водонапорные устройства не отремонтируешь. Зато с теперешнего часа краны в местных домах готовы гудеть вполне по-рабочему, не хуже, чем в столице, в золотой Праге, что на берегу обильной реки.

Положив обмылок в лиловую пластмассовую коробочку — мыльницу, Ладейнин ополоснул пальцы. Щелкнул крышкой с вензелем, испол-

ненным затейливо-синей латиницей. Руки поскорей бы вытереть полотенцем! Вот оно — сухое и жестковатое из-за накрахмаленности, какой славятся санатории.

Взяв мыльницу, Валерий заметил: к вензелю прилип кусочек желтоватого мыла — того самого, которым одарил в дорогу старшина хозяйственного взвода. Небось, водитель Семakov надоумил начальство расщедриться. Коль есть мечта пробиться к офицеру в ординарцы, то почему не расстараться? Ефрейтор, конечно, парень вполне себе не промах, но почему-то решил, будто Ладейнину очень повышение по службе надобно.

Здесь вот иные дела идут. Другое заботит Валерия Ладейнина: о семейных обстоятельствах поди голову поломай: нет вестей от жены и сына. К тому же, оказалось, всё довольно серьезно у Мартины, а ты, майор...

Рассердившись на самого себя, нахмурившись, Валерий протер выпуклый вензель, положил коробочку в тумбочку. Мыльница — неплохая вещь, прочная и даже до некоторой степени искусно сделанная. Он приобрел ее на стихийной барахолке в июне сорок пятого в поверженном Берлине. Первое послевоенное лето... Меж полуразрушенных зданий бродили женщины, им с трудом верилось, что прекратились обстрелы домов и больше не нужно в сырых подвалах отсиживаться. По улицам ходили усиленные патрули солдат-победителей, и день за днем с виноватыми лицами женщины, а также старики, выстраивались в очереди к походным, прибывшим с востока армейским кухням, где всем желающим выдавали перловую кашу. Однако еды, видимо, некоторым хотелось побольше: кое-кто из горожан стал подторговывать всякой всячиной. На перекрестках, вдали от центральных улиц, начали появляться те желающие, что с охотой меняли домашние вещи на хлебные батоны, заодно и на папиросы, на бруски хозяйственного мыла. Там однажды Валерий приобрел по случаю коробку-мыльницу с латиницей на крышке. Вежливая тихая старушка объяснила ему в манере школьной учительницы: нидер-

² Норма — здесь в значении «привычный порядок вещей».

ландская вещица, весьма полезная. Попросила майора: возьмите коробочку, пожалуйста, вряд ли она когда-то человеку станет лишней, ведь в мирной обстановке полезно чаще заботиться о здоровье и перед едой мыть руки.

Ладейнину захотелось приободрить скромную, на вид бедную женщину. Он поделился с ней парочкой сухарей из своего походного сидора. Разумеется, не поленился высказаться: действительно, мол, в городе с нормальными условиями жизни пока что напряженка, однако ведутся уже работы в нужных направлениях. Старушке понравилось обхождение, она кивала согласно, а Валерию, разглядывавшему латинские буквы на приобретенной мыльнице, надобно было закрыть рот на замочек. И он постарался умолкнуть, потому что рвались на волю слова чересчур пафосные, неуместные тут, на голодной барахолке, где взгляды некоторых торговцев буквально на части раздирали его тощий сидор. Если о чем сказать бы, то лишь о невзгодах европейских народов...

А сейчас, в санаторной комнате, Ладейнин, не одергивая себя, погрузился в умствования: «Голландия! Ты в прежние годы старой учительницы, обозначившись этой мыльницей, очутилась в Берлине. Но вскоре через кровь и смерть военного времени сколько всевозможного иностранного добра осело в германской столице! Ясная затем ситуация возникла: награбленное отдавать положено. Ан вот какая штука! Простенькое приобретение учительницы, честно когда-то привезенное в Германию, должно было с хозяйкой расстаться. Понятно, справедливость нынче торжествует касательно захваченных богатств, всё же и честность людская, ни в чем не виноватая, за компанию бедствует. Не в силах никто немедленно остановить хаос жуткого смешения добра и зла. Если только придет когда-никогда пора счастливого разумного порядка на многострадальном континенте...»

Черты лица давней собеседницы в памяти Ладейнина уже стерлись. В точности с Валерием остается только небогатая коробочка. Мыльница путешествовала с новым владельцем не один послевоенный месяц. В настоящее время добралась до Рудных гор Чехии. Те-

перь что же? Глядишь на мыльницу и полагаешь: ей бы в российские края не помешает отправиться, и там повсюду налаживается мирная жизнь!

Больно кольнула майора догадка: неужели никого из семейства Ладейниных нет в живых? Задвинув резким толчком ящик тумбочки, Валерий сел на кровать. Со стороны глядеть — приводил дыхание в нормальный ритм, словно только что преодолел по крайней мере марафонскую дистанцию. А что упрямо стучало в голове? Лишь болезненное, до невозможности горькое: не осталось никого... не осталось... не осталось.

Ладейнин решительно поднялся с кровати. Надо было двигаться, и он, распрямив плечи, решил пойти в темноватый, по-вечернему таинственный, тихий холл первого этажа.

На пороге своей комнаты всё же задержался: необходимо закрыть понадежней дверь. Вернувшись к столу, Валерий взял ключ — широкобородый, блестящий, вставил его в замочную скважину и два раза провернул до упора. Вслед за тем крутанул со скрежетом обратно: передумал закрывать. Ладейнин решил: всё же ни к чему на сию минуту запоры — он же вернется через полчаса, не более. К тому же брать у него в комнате нечего. Если только глянется кому-нибудь футляр для зубной щетки либо пластмассовая мыльница. Однако нет, досужих разговоров о пропаже вещей в лечебнице никто не вёл, из чего следовало сделать вывод: публика тут приличная. С честностью обслуживающего персонала в лечебнице тоже всё обстояло в высшей степени положительно, благопристойно. Сунув не пригодившийся ключ в карман, Валерий постоял у двери: нужно решить задачу. Разумеется, такую — о новых намерениях, о дальнейшей дороге. И нужно это, чтобы избавить себя от лишних переживаний, а заодно возникающих на их фоне болезненных ощущений в том виске, по которому скользнул когда-то кусок металла, прилетевший от врага, и попытаться раздробить челюсть.

Снизу, из столовой, донеслось гроыхание. Или точнее — хлопотливое позвякивание стеклянных стаканов, перемежаемое стуком вилок, ножей, ложек. Они, догадался майор, в эти ми-

нуты обретают положенные места на столах, сервируемых к ужину.

Наконец Ладейнин пошел по коридору. Ему сейчас понадобилась активность: организм требовал ходьбы — такой, чтоб кровь быстрее гуляла по телу и гнала прочь и мысли бедующие, и давящие болезненные толчки, обжигающие некогда измолотые кости лица. Не заметил он, как очутился в холле, где уютно расположился в дальнем углу большущий раскидистый фикус. Остановился майор, пригляделся: что за персона прячется позади экзотического растения у стены? Не воришка ли? После войны, как известно, обстановка такая, что гляди в оба, как говорится. Так что, решил Валерий, надобно понаблюдать.

За фикусом стояло кресло, обитое темно-красным плюшем. Уж кого никоим образом не думалось встретить в укромном углу майору — так это Мартинину тетушку, Маржену. Вдоль стены, перед четко выстроенной анфиладой оконных проемов, — полдюжины пустых стульев. Однако же родственница Мартини выбрала себе в отдалении место истинно малозаметное. Какая нужда привела ее сюда, за темно-зеленую завесу разлаписто мясистых листьев старого фикуса?..

Выпрямив спину, крепко вцепившись пальцами, по-птичьих сухонькими, в лакированный подлокотник, старая женщина являла собой образ наблюдателя. Теперь встает вопрос, за кем ей в действительности приглядывать так интересно? Ладейнин догадался: по прошествии событий последних дней лишь он должен быть объектом наблюдений для Плищковой.

Что есть, то есть — нисколько не пустым времяпрепровождением занималась она сегодня в лечебнице, по-тихому пребывая в кресле по соседству со столовой. Могло ли майору понравиться подобное наблюдение? Ответ и так ясен. Тем не менее, не говоря ни слова, он взял стул, подсел к тетушке юной, но вполне самостоятельной и потому очень решительной Мартини. Ладейнин решил все-таки дать возможность родственнице выговориться, чтобы всем избежать ненужных тревожений.

Первым делом он вежливо поздоровался, и женщина ответила ему с не меньшей вежли-

востью, но заводить разговор не торопилась. Ей, видимо, с недавнего времени стало совершенно ясно: развитие отношений офицера и напористой племянницы приобрело ту форму, когда нарастающее беспокойство наблюдателей заставляет делать выводы определенные, но нежелательные.

Пожалуй, мысленно доложил себе майор, правда своя имеется и у Плищковой — женщины опытной, возраста достаточно преклонного. Однако в череде теперешних событий удастся ли Ладейнину создать непреодолимый барьер для смелой Мартини? Она горит желанием преодолеть преграды, пусть и довольно внушительные, не сказать чтоб уж совсем непомерные.

Валерий счел необходимым в меру философски, как можно деликатнее довести свое понимание ситуации до нахмуренной тетушки, но продолжить беседу на отвлеченно гипотетической ноте у него не получилось. Немногословная Маржена с каждой минутой всё приметней возбуждалась, гневно краснела.

— Вы, русские, — захотелось ей наконец высказаться, — дорожите поговоркой: дружба — дружбой, а служба — службой. И она не лишена смысла. А моей племяннице необходимо уезжать в Прагу, пора поступать в университет, получать достойное образование. Майору, как я полагаю, надо военную карьеру делать. У вас для этого есть все основания, разве не так? Ваши солидные командиры не позволят чешской девчонке поломать человеку офицерское продвижение по службе. Ради бога, давайте остановим упрямое, до предела нелогичное развитие скандальной обстановки в лечебнице!

Валерий Ладейнин увидел в словах тетушки четкую устремленность в пустое препирательство, потому решил придержать коней, как говорится.

Да, собеседница не услышала от него дополнительных аргументов мудрой, проникновенно глубокой правоты. Устремив задумчивый взор в гущу фикуса, Ладейнин помолчал. Не исключалось, понимал он, что получить генеральские погоны — да, плох тот майор, который не желает быть генералом! — теперь станет трудновато. И всё же был резон поискать тут альтернативу, чтобы выйти из

сложного положения. Скоропалительность в решениях при нынешних обстоятельствах, конечно, помешает.

— Давайте искать выход сообща, — Валерию пора было прервать молчание. — Когда вы знаете русские поговорки, то поприветствуете выражение: одна голова — хорошо, а две — лучше.

Строгая женщина подалась всем корпусом вперед. Ладейнин проследил направление взгляда Маржены: там, за фикусом, за разлапистыми листьями, вдоль противоположной стены холла кто-то прошел. И как раз не в сторону, а в противоположном направлении, — туда, где располагались комнаты.

— Вам плохо видно? — голос собеседницы дрогнул. — Не напрягайте зрение. Без лишних слов подскажу: это моя племянница торопится попасть в вашу комнату. Она войдет к вам, чтобы остаться. Не захочет выйти, потому что...

Имел бы Валерий отношение к городской энергетической службе, в этот момент ему полагалось бы отметить: ишь, как шарашнуло! просто на тебе! как громом оглушило! Однако армейскому артиллеристу пришлось на ум не что иное, как сравнение со взрывом прилетевшего крупнокалиберного снаряда, грозившим новой контузией. В сердцах от неприятия фактов он откинулся на стуле, затем вскочил, словно его подбросило тротилом:

— Недомолвки здесь все-таки понятны. Ведь это стальной осколок пришелся мне прямо по голове, не иначе. Так что понимаю вашу тревогу. Поэтому, будьте уверены, у меня договоренностей не было никаких с Мартиной, — пытался объясниться он.

— Не нужны оправдания. Ничего не говорить, — голос Маржены в откровенности затвердел. — Немедленно сядьте. Мне лучше знать, в чем тут дело. У нас был с ней спор... даже не спор, а другое. Она заявила, что с нынешнего дня считает вас мужем своим.

— Простите, не понимаю. — Решительная лаконичность собеседника предполагала, что разговор должен сейчас закончиться.

— Мартина останется у вас, — теперь в голосе тетушки слышалось уже нечто каменное. — Что здесь объяснять? Вы станете жить как муж и жена. Но семейные отношения оформите завтра или послезавтра. Короче говоря, позже.

Тогда, когда всё будет разрешено в соответствии с общим порядком вещей...

— Нет, это невозможно! — отчеканил Ладейнин.

А Маржина продолжала, что не успела договорить:

— Так вот когда всё будет разрешено в соответствии с общим порядком вещей, девица получит жесткий, весьма наставительный выговор.

Вполне допускалось, что назидания именно сегодня примут чересчур серьезный характер, поэтому Валерий, что называется, кинулся осмысливать ситуацию. Возражать боевито настроенной Плицковой сейчас вряд ли стоило, но и сводить все к шутке было неразумно.

— Теперь понимаю уважаемую тетушку Маржену. Прошу вас и мое мнение учесть, — стараясь быть невозмутимым, заговорил Валерий, на ходу подбирая веские аргументы. — В теперешних событиях вижу причинную взаимосвязь с жуткими годами войны. У людей не только в Чехии, в Европе повсеместно, утвердилось понимание обездоленности. То есть избежать гибели оказалось трудно до невозможности. Оттого устремленность к жизни, к счастью, к семейному благополучию в наши дни возросла столь заметно... Давайте простим это Мартине. Я сейчас пойду...

— Куда?! — обеспокоенная собеседница в кресле чуть не подскочила.

Майор привстал:

— Туда, конечно... В свою комнату.

Дальше прозвучали слова Маржины, похожие на приказ:

— Сидите здесь на стуле, как сидели!

Ладейнин недоумевал:

— Как же она?.. там?

Тетушка выказала непреклонность:

— Подождет. И потом отправится туда, откуда пришла. И будет исключительно твердо знать!.. — что именно, Маржена недоговорила.

Дальше в разговоре повисла долгая пауза. К тому времени ужин в столовой кончился, а две фигуры в настороженном безмолвии по-прежнему пребывали в холле, в углу за фикусом.

Что произошло затем? Мартина, опустив повинную, бедовую свою голову, исполнила предначертание строгой родственницы —

прошла вдоль дальней стены туда, откуда пришла.

Следующие два дня в санатории не было работницы по фамилии Блажекова. Не появлялась здесь и ее тетя.

На третий день вечером Ладейнин сидел на лавочке, располагавшейся на крыльце санатория, под козырьком: ждал, не появится ли хотя бы сегодня кто-нибудь из них.

Кажется, центральную часть Европы снова накрыл дождевой фронт. По низкому небу стала вливаться в ущелья Рудных гор сплошная темная облачность. Валерий видел, как вдоль скал, где располагался курорт, всё ниже, ниже опускалась туча, задевая сизыми космами остроконечные крыши домов, как начала она покрывать сероватой изморосью близкий сквер.

Ударил гром, обнаружился ливень, и тут же вспенилась пузырями асфальтовая дорога, уходящая вниз, в долину Огрже.

Из-за угла вывернулась знакомая «симка». Машина притормозила, из кабины выскочил ефрейтор. Вид он имел поспешно встрепаный, радостно взъерошенный. Семаков подбежал к лавочке, выпалил заранее приготовленную речь:

— Ваша семья нашлась. Жена письмо написала в большой военный комиссариат Москвы, а там быстро подсуетились. Сейчас жена и сын интересуются документом — официальным вызовом, который позволит им прибыть к вам в немецкий Магдебург. Дело в том, — продолжал Семаков, — что вас, товарищ майор, назначили зампотехом в тамошнюю бригаду. На полковничью должность. Разрешите доложить: нынешнее начальство приказывает вам без промедления приехать для оформления процедуры отъезда. Я ведь не понапрасну примчал. За вами как раз!

Сияя добрыми глазами, Семаков улыбался: глядел на Ладейнина и понимал, что его непременно возьмут в ординарцы к офицеру, как есть не демобилизуют в запале всяческих послевоенных сокращений. Выходит, обязательно найдется Семакову место в армейской привычной обстановке.

Гимнастерка шофера, туго стянутая пояс-

ным ремнем, быстро впитывала щедрую влагу небесную, отчего потемнела, утерала аккуратную форму, обвисла немилосердно. В свой черед сапоги спорого посланца, ради такого знаменательного дня начищенные ваксой до аспидно-угольного колера, заторопились принимать в голенища юркие холодные ручьи, стекавшие с колен. Ефрейтор, несмотря ни на что, чувствовал себя превосходно, радуясь и за майора, и за себя. Яснее ясного: с этого дня водитель трофейной «симки» думать не думал рассматривать свое будущее пребывание в строю как нечто из разряда несбыточного. Также и в комиссариате Москвы не увидели ничего странного в том, что произошло с семьей офицера Ладейнина, поскольку, по меркам войны, перипетии, обрушившиеся на всех эвакуированных, были в обыкновенности те еще. Особенно часто страдали мирные поезда.

Состав из стареньких вагонов, в котором ехали Валентина, жена майора, и сын Валерий, попал под удар фашистских бомбовозов. Пассажиры, после того как взрывы повредили локомотив и разбили рельсовое полотно, бросились убежать подальше от железной дороги. Спасительный ельник высился в сотне-другой метров, неподалеку. Там Ладейнины приметили густое мощное дерево, под ним остановились, чтобы перевести дыхание, однако прилетевший гитлеровский тротил разметал, казалось бы, надежное укрытие.

Прошло некоторое время, прежде чем Валерка очнулся. Не сразу понял он, что произошло. То ли холодное росное утро стоит или наступил вечер — мглистый, ветреный, — откуда ему в доподлинности знать? Всё ж таки почувствовал мальчик: железная дорога опустела. Не доносились оттуда ни людской говор, ни стук монтерских ломиков, ни пыхтенье прокопченного паровоза, ни пение телефонных проводов, которые обычно поют на ветру тоненько, будто юркие овсянки. Валерка вывернулся из-под вороха еловых веток, иголок, что густо усыпали его руки, ноги, всю поблизости землю, взрыхленную бомбой. Приподнялся, пытаясь рассмотреть поезд на рельсах, и не заметил там ни одного целого вагона.

Пока Валерка был без сознания, мастерови-

тые ремонтники восстановили рельсовую колею, увели покореженный локомотив в станционное депо. Люди уцелевшие пешком подались к ближайшему действующему полустанку. Убитых, раненых вывезли путейцы дрезинами. И теперь только оборванные телефонные провода сбочь дороги печально обвисали под мрачным небом.

Наверняка видели попутчики и верхушку старой ели, облетевшую после бомбежки. Но, видно, им и в голову не пришло, что в той стороне тоже могут быть пострадавшие. Люди ушли, а мальчик, сознание к которому постепенно возвращалось, там и остался лежать.

В мертвой тишине почудился Валерке вопрос: «Неуж ты выжил, парень?» А как выжил — и сам того не понимал. Наконец он встал, покачиваясь, через силу, нервно дергая желваками на каменеющих, в кровь исцарапанных скулах. Как долго стоял бы в ошеломлении мальчишка, неизвестно, да хорошо, что заметил мать невдалеке за деревьями. Ее завалило хвойными ветками, землей, травой так сильно, что лишь край головного платка, знакомого до боли, проглядывал возле посеченного стальными осколками вековечно-мшистого ствола ели. Валерка с немалыми усилиями высвободил мать: мешала жуткая слабость. Он положил ее, почти бездыханную, на пригорок, подсунул под голову свой потрепанный пиджачок. После этого Валерка сообразил: надо искать людей, а значит, идти в сторону деревень, где могут быть врачи.

Пробираться через бурелом — дело весьма непростое, поэтому продвигался мальчик сначала медленно, но потом в лесу развиднелось. Валерка отыскал тропу, в мелких лужицах которой явственно проглядывали рифленные отпечатки резиновых сапог. Теперь как не воспрянуть духом? Он, конечно, укрепился, получив поддержку случая, и побежал по следам, всё вперед и вперед, не жалея ног. Тропа вывела его к местечку, где проживал здешний слушитель — преклонных годов лесник.

Жилье встретило лаем большой лохматой собаки. Хозяин сторожки, выйдя на крыльцо, балясины которого потемнели от солнца и дождей, догадался, кого принесла нелегкая, и без долгих разговоров вывел со двора лошад-

ку, запряг ее в возок. Затем помог парнишке, до предела уставшему, забраться на древнюю медвежью полость, кое-где вытертую до заметных проплешин. Вразумлений подходящих не найти в дорогу — никак нельзя, вот и подбодрил пацана: «Мамашу привезем в обязательности. И лекарскую подмогу окажем, не сомневайся».

Вернулись нескоро, почти в совершенной темноте, и Валентина Ладейнина с расторопным сыном остались в доме доброго человека переночевать. Утром мать Валерки очнулась, попросила пить. Однако сына не узнала, к тому же совсем не помнила, какая беда накануне произошла с поездом. Напрочь исчезло у нее знание насчет того, где муж ее, майор Валерий Гаврилович Ладейнин, и кем она является, и куда направлялась по железной дороге.

— Что, паря, делать? — спросил доброхотный лесник, задумчиво поглаживая рыжеватую бородку и шурия выцветшие от старости глаза. — У меня если вам с матерью остаться до ейной полной поправки, то прокормить не смогу. Не ждал гостей. Ничего не помнит она? А ты держись, не теряй сам разумного соображения, потому как это у нее контузия. Право слово, должна пройти немочь. Требуется подождать. Желаете — доставлю туда, где станция стоит как есть целой. Вам помогут там проехать к родному гнезду.

— Какое гнездо? — у мальчишки сразу ответное соображение. — Дом остался позади. В точности не знаю, куда мама хотела податься.

Дед сказал:

— Ты, малый, брось отчаиваться. Как такое может приключиться? Нет никого из родных, что ли?

— Знаю только про нашу бабушку, — говорил Валерка. — В деревне живет она. Точнее если, то на маленьком хуторе вдали за Волгой. Отсюда, что называется, тропинка очень долгая.

— Доберетесь все равно. Вам денег дам на дорогу, — лесник заверил. — Поделюсь, но только в непременно, паря, двигаться надобно... к этой, к бабке. К хуторской проживательнице...

Помнил ее Валерка вседневно хдопотливой, маленькой, по большей части молчаливой и всегда отзывчивой, доброй, поэтому позволил себе высказаться:

— Никакая не бабка она хуторская. Мамина старенькая родительница. И трудно вскопать огород ей одной, поэтому помогает обычно пожилая соседка, имя которой Настасья.

Милосердный дед усмехнулся:

— Ладно тебе. Ишь, какой возник занозистый! Всегда, мне думается, имеешь расположение уважить старуху. Мы, которые в годах, таковскую понимаем усердность. И здесь передо мной выступать чего? Зазря шибко стараешься.

— Ничего я не стараюсь, — заворчал мальчишка. — Просто пусть будет всё по справедливости.

— Не умничай мне. — У хозяина лошади проявилась укоризна в голосе. — Лучше давай собирайся. Так как дорожка ныне вам, пострадавшим, протянута одна всего. По мнению моему, она единственно правильная.

Поехали занозистый Валерка и контуженая Валентина Осиповна Ладейнина по совету лесного служителя как раз на станцию, где очень долго ждали нужного поезда. Потом начали двигаться через большие расстояния, через Москву и дальше — на забитый эшелонами восток.

Добрались до города, белыми своими соболами реющего над ржаными полями, а там попутной селянской машиной — уже до центральной усадьбы колхоза, без шоферов и трактористов обезлюдившего.

Пришлось прибывшим в дальнейшем уже топтать пешком пяток верных километров до хутора, в котором обитали три одинокие старухи и бобылка — добросердечная их помощница тетка Настасья.

Осень и зиму всё малое сообщество прожило на картошке с огородного надела. Деловитая бобылка по своему характеру множила участливость во всех заботах. Так что излечение получило необходимую поддержку с разных сторон, и здоровье пострадавшей от гитлеровских бомб постепенно стало идти на заметную поправку. Сына и мать пока еще не узнавала. Однако имя вспомнила собственное, чему все хуторяне обрадовались чрезвычайно.

Пошел у старух разговор вполне убедительный:

— Сойдет с молодухи болеть. А как же ина-

че? У нас ей родная земля-то. И воздух для Валентины такой свойский, что самолично здоровое обязательно пребудет хоть с нашенскими крепенькими огурцами, хоть с прилично твердоперой капустой.

Ближе к новому лету тетка Настасья переехала на житье к плотнику Евсюшину. На центральной усадьбе предложил он ей замужество. И чего ж отказываться бобылке? Не шибко старый — шестьдесят пять годов еще — он давно уже числился в бобылях. Был, по разумению хуторских огородниц, довольно шумный, когда выпивал сверх меры, но всё же подходящий для устройства совместного с Настасьей проживания в военное лихолетье.

В те дни пусть не шибко праздничным для селянского благополучия приключился июнь возле Волги, но, уж точно, выдался он сильно жарким, невиданно белооблачным. Над хуторскими домиками, крытыми посеревшей от времени дранкой, пели, пролетая, птицы-синицы и легкокрылые луговки-жаворонки. Лишь изредка приходили погромыхивающие тучки, давая силу полевой пшенице, придорожному доннику и пышно цветущему лиловатому иван-чаю на борových гарях. Чего не присутствовало в природе, так это гундосо воющих фашистских самолетов над поселениями. К слову сказать, восточную часть пшенично-полевой России гитлеровцы не пытались бомбить, даже когда их полчища подошли к окраинам Москвы. Лететь потому что далековато было, да и цели какие? Деревушки, разбросанные по неоглядным просторам?

О пожарах тут, разумеется, ведали, ан время шло, и захватчики получали более сильные удары, так что им приходилось отступать всё быстрее на запад. Хуторок мог бы и дальше служить пристанищем для контуженой Валентины и сына ее, да ведь парнишке полагалось учиться. Несмотря на отдаляющиеся от речного побережья победные бои с фашистскими дивизиями, школьные порядки для мальчишек и девчонок оставались неколебимыми: переходить из класса в следующий класс куда как нужно для вящей образованности молодого народа. Ходить же Валерке в школу каждый день за пять километров обязанность чрезмерная, не правда ли? К то-

му же без помощницы Настасьи бабушке стало трудно управляться с огородным хозяйством. И по этой причине ей пришлось на ум заняться собственным переселением вместе с дочерью и внуком.

Строго-настрога наказав Фаине, шестидесятилетней хуторской соседке, пересылать письма зятя-офицера — если придут послания, конечно, — в большую деревню, она с немудреным шармом и гостями переехала туда. Как есть к другой подруге преклонного возраста, к Марье Шабановой. Там и познавал школьные премудрости Валерка, там и жили они с матерью в пятистенке доброй селянки, ожидая писем от Валерия Гавриловича Ладейнина, артиллериста, пребывающего на фронте, бывшего неприятеля, как полагалось народному защитнику.

Кто ж ведал, что Фаина к концу жаркого лета получит сердечный удар? Что упокоится она под торопливо сколоченным деревянным крестом на кладбище? А также то, что старуха, которой довелось узнать в подробностях беды офицерского семейства и которая по прошествии событий вскоре останется на маленьком хуторе одинешенька, сама забедует. Пришлось той последней хуторской старухе переехать в райцентр к племяннице. Никто не мог предугадать в неожиданности аховый поворот и всех этих ничуть не чаянных происшествий. Так потерялись для майора следы дорогих ему людей.

Что касается Шабановой, приютившей Валентину, ее мать, также и Валерку, то у Марьи случился особый разговор с молодой женщиной, пытавшейся вернуть память и окончательно оправиться. Вразумление приключилось обстоятельное.

— Лечить контузию, пойми, непросто, — толковала Шабанова болящей Валентине. — Вот говоришь ты мне, будто на благо пошло пропитание нашенское. Я не против честь оказать, хотя бы и картошке, и капусте с огурчиками. Ведуны подсказывают — отзовется на это желудок обязательным довольством. Да ведь и еще найдется на родной земле нечто полезное для укрепления здоровья! Не мешает болезной душе на утренние прогулки по росе выходить, когда трава вся как есть луговой

способной почвой упитана, солнцем встающим обласкана, когда и зелена, и тяжела, и наскрость мокрая.

Валеркина мать верит и не верит, оттого подыскивает слова для ответа, а сын спешит ей на помощь: у меня, дескать, одна пара ботинок, иной — нет! Однако на влажной траве истреплется обувька мигом! Тогда что делать? У мамы тоже одни лишь ботики!

— Сам, — Валерка говорит, — не пойду гулять поутру на мокрый луг и никому не посоветую!

Шабанова не устает рассуждать:

— Ботики она испортит? Конечно! Правильно заметил. Это дело несомнительное, и я тоже посоветую беречь обувьку. Моя речь о том, что если шагать босиком по росе, то с охотой мать-земля недужному человеку подарит доброе вспомоществование. Сами посудите: к первым лучам солнышка тянутся на лугу все, поворачиваются головки, хоть у разных кашек, хоть у ромашек, но почему? Теперь есть, что называется, подпитка и можно усилить потребные темпы роста. Подобную же энергию получает и роса. В народе не зря испокон века поговаривают о живой воде. Что ни сказка про нашего русского Иванушку, то и выходит он победителем, а живая вода ему, уж будьте уверены, куда как полезна. Ходи, Валентина, утречком по росе, победишь контузию. А лучше бегай, чтобы хлестала, обмывала тебе ноги живая вода. Чтобы соки взбодренной солнышком травы вместе с холодной — ан живоносной! — росой давали раз и за другим разом подпитки твоему болезному организму. Пускай вспомнит он свою прежнюю силу, наберет новую крепость и почнет гнать прочь застоялую хворобу. Мою матушку ведуньей не назову, но про живую воду она кое-что ведала, рассказывала о подобных чудесах исцеления. Ясно вам нынче?

Дальше — больше! Враз никто из деревенских не стал бы свою правоту доказывать, поскольку теми днями что именно свершалось — то трудно взять в догадку. Места ли родные, земля березовых ситцев Валентине помогла? Либо птичье звонкое разноголосое пенье, либо цвет липовый, с которого неустанно пчелы носили мед окрестным бортникам? А может, оказала решительную подмогу животворная роса, что

стекала с высокой луговой травы на босые ноги, когда бежала она к селянскому стаду на утреннюю дойку буренок?

Как бы то ни было, да только подоспело время — и вспорхнуло, улетело напрочь помрачение разума, восстала ее душа, проснулась — вернулась к ней память. Вот так и приключилось долгожданное. Словно из тьмы небытия, родилось оно — четкое понимание, по каким адресам следует искать фронтовика Валерия Гавриловича Ладейнина.

И стало Валентиново выздоровление счастьем и для Валерки, и для малограмотной его бабушки. Да только и таким известиям, само собой, долго в Чехию до майора добираться. Оттого не на кого было майору Ладейнину пенять за то, что так чрезмерно задержались сведения о семье. Не стал он с водителем «симки» разговоры излишние разговаривать, а погрузился в легковушку — направился туда, откуда востребование объявилось насчет бывалого фронтовика.

Прежде чем отбыть в немецкий город, где Ладейнину предстояло занять должность заместителя командира бригады и где уже поджидала майора военная техника, с боями прошедшая половину Европы и нуждающаяся в ремонте, он пошел к высокому начальству. Штабные служащие готовы были снабдить его нужными документами, однако беспокоил его вопрос: у командира части нет ли каких дополнительных сведений касательно выезда семьи в Магдебург?

Свежая новость, то есть нынешние все разнообразные обстоятельства в их неуклонно мощной лавине, — это серьезный повод ожидать продолжения цепи неожиданностей, о которых еще не знал ни Семаков, ни солдатский телеграф, ни тот офицер, который, оформляя Ладейнину документы, посвящал визитера в перипетии его же собственной непростой семейной жизни.

Ладейнину застать командира части на месте не удалось. Однако на дороге повстречался его заместитель — куда-то спешивший полковник Брянчин. Тоже из фронтовиков и тоже недавно свое назначение получивший.

Не упустив случая выказать дружеское расположение, полковник остановился, пожал руку майору:

— Поздравляю! Целый скоп новостей. Слушай, Ладейнин! Тебе письмоносец весточку доставил уже? Говорят, с час назад пришел пакет для тебя. Ну, пока!

И зашагал полковник Брянчин прочь, клоня стриженную под бобрлик голову вбок. Вероятно, из-за старой, его беспокоившей раны, а может быть, просто боясь споткнуться из-за обилия строительных кирпичей у дорожки, привезенных для приведения штабного двухэтажного здания в более приличный вид.

Пакетом был назван длинный плотный конверт. Скорее всего — пражского происхождения. Не сказать бы, что автор послания озабочился поаккуратней заклеить его: адрес, как с первого взгляда определишь, написан рукой довольно-таки нетвердой — строчки шли по бумаге наискосок, буквы шатались то влево, то вправо.

Внимая листок, Валерий не удержался, пробормотал:

— Что за черт такой?..

Утерянные знаки препинания? Здесь они свидетельствовали о большом волнении автора письма.

«Пан майор! Вы уехали. Нашлась ваша семья мы остались я осталась одна боже мой, я чувствовала, что всё для нас закончится плохо Мартины больше нет как она погибла, вам не сообщая зачем вам сегодня знать? Вас не виню однажды вы сказали, во всем виновата война и то была такая правда прощайте, майор для Мартины жизнь кончилась и для меня тоже. Маржена Плицкова».

Ладейнин стоял в коридоре у окна: рама, выкрашенная белой краской; на стекле — несколько тропинок сверху вниз от капель недавно прошедшего дождя. Весть, которую он получил, была такого рода, что из головы мысли все вылетели, и он через квадратное стекло наблюдал нисколько не плац между невысокими кирпичными зданиями, не липы вдоль мощеных тротуаров, не лавочку возле вкопанной в землю бочки, служащей местом для курения русских военных на свежем воздухе. И не тот коричневый — свой, майорский! — че-

модан, что выносил водитель «симки» из подъезда общежития офицеров.

А что же тогда?

Неожиданно привиделась ему русская изба на опушке леса, сложенная из почерневших бревен. И — печь, которую пытается растопить мальчишка. Кажется, там суетился он, сын Валерка. Пламя занималось неохотно, и старателю пришлось выйти во двор, чтобы принести охапку сухих полешек. Внезапно из печной трубы взметнулся дымный столб. То вспыхнула, пошла гудеть, выть, накалять небеса огнем черная сажа. Казалось, пожар охватил всю округу: горела изба, люди в ней, живность возле сарая, скворечник на березе рядом с крышей дома...

Прогоняя видение, Ладейнин тыльной стороной ладони вытер лоб, который был таким горячим, ровно его только что пламенной воздушной волной охватило.

«Разве не огонь перед глазами? — спрашивал он у себя. — Но ведь это какой-то апокалипсис. Да, может лишь сажа таким образом полыхать. И что за картина мне явилась?»

Конечно, горячий мозг сам по себе сформулировал основную мысль видения: всё ныне происшедшее — война после войны! Вот вроде бы неразумным, нелогичным смертям должен быть конец. Все сделали нужное дело, зажали в

тиски беды людские. А тут и полыхнуло. Новые жертвы! Словно рьяной черной сажой подожгли праздничную успокоенность, которая пришла после победы над фашистами.

За окном закапало, на стекле побежали новые дорожки.

Ладейнин повернулся, пошел прочь.

Семаков стоял возле коричневого майорского чемодана. Ефрейтор смотрел, как идет к нему через плац асфальтовый, от обилия влаги блестящий антрацитом, этот очень толковый фронтовик, которому теперь предстояло занять должность в магдебургской бригаде. Шел с непокрытой головой. И если глянуть чуть вдаль, то продвигался именно так — с глухо ворвавшейся дождевой тучей над правым погоном.

Борис Федорович КОЛЕСОВ

родился в 1943 году в Москве.

Работал в различных всесоюзных и общероссийских газетах и журналах.

Пишет прозу.

Автор книг «Дашино лето» (1976),

«Кто рассеянный?» (1977), «Солдат и Ванюша» (1984),

«По лунной дорожке» (1988),

которые выходили в издательствах «Малыш»,

«Детская литература»,

Красноярское книжное издательство.

Живет в Москве.

